

Информационные технологии и их влияние на внутреннюю политику государства и международные отношения

Материалы Международной
научно-практической конференции

На конференции обсуждался широкий круг вопросов, связанных с влиянием информационных технологий на внутреннюю и внешнюю политику, образование, экономику, формирование ценностных ориентиров молодёжи.

Участники конференции констатировали:

- в современном мире влияние информационных технологий и социальных сетей на внутреннюю и внешнюю политику государства становится всё ощутимее;

- расширяются и усложняются приёмы манипуляции;

- социальные сети воздействуют на историческую память, подменяя реальность массмедийным суррогатом, оказывают влияние на выборные технологии и формирование имиджа политика, на организацию протестных движений и выражение народного недовольства.

В информационном пространстве идёт полноценная война фейков. Даже развлечения, флешмобы, челенджи, смеховая культура становятся политическим инструментом.

Для противодействия существующим угрозам и вызовам необходимо разрабатывать стратегии государственной информационной безопасности, изучать международный опыт и российские удачные примеры, а также активнее использовать платформы для анализа больших данных в государственном и муниципальном управлении.

Ключевые слова: информационные технологии, информационная безопасность, социальные сети, экстремизм.

Семед СЕМЕДОВ

Информационные технологии трансформируют международные отношения

Информационные технологии вошли в нашу жизнь стремительно, стали её составной частью. Одним из важнейших мегатрендов современного глобального развития является «ускорение» и «сжатие» времени. Информационные технологии оказали колоссальное влияние на государственную систему, экономику, политику в целом. «Цифровое государство», «цифровая экономика», «цифровая дипломатия», «цифровая культура» – эти понятия давно вошли в научную и публицистическую лексику.

Цифровые технологии изменили философию жизни. Глобальная смена буквы на цифру – этот процесс будет влиять и на будущее.

От цифровых технологий не остались в стороне и международные отношения как в инструментальном, техническом плане, так и в появлении новых методов дипломатии в мировой политике. COVID-19 ускорил цифровизацию в глобальном масштабе в большей степени не как объективный процесс, а как техника решения многих практических задач.

Глобальные сети, как один из элементов цифровизации и виртуализации планетарного масштаба, превращаются постепенно из инструмента внутренней и внешней политики в участников (акторов) международных отношений с очень заманчивыми перспективами. От эффективной работы государственных органов власти в социальных сетях во многом зависит имидж государства как внутри страны в глазах граждан государства, так и у иностранцев.

Цифровые технологии оказали громадное влияние на образование, науку, культуру. Перевод значительной части обучающихся на дистанционное обучение в период COVID-19, являясь во многом вынужденной мерой, привёл к корректировке методологии и методики обучения, поиску их новых форм. Это во многом усложнило работу педагогов.

Ещё в 2015–2016 гг. исследователи отмечали, что удалённая работа сегодня вовсе не экзотика. Вопрос только в другом: сохранится ли тенденция в будущем? По данным исследовательской компании IDC, уже в 2017–2018 гг. «количество работающих на удалёнке сотрудников по всему миру

СЕМЕДОВ Семед Абакаевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой международного сотрудничества ИУРР, РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: sa-semed@mail.ru

достигнет 1,5 млрд» [1]. «Облачные» технологии кардинально изменили подход к созданию приложений для работы с информацией: такая ИТ-архитектура подразумевает, что любые данные принципиально доступны пользователю в любом месте и с любого устройства.

Цифровые технологии ломают старые и создают новые ценности: современные молодые менеджеры позиционируют себя на рынке труда иначе, чем предыдущие: у них в приоритете свобода, личные предпочтения, пространство. Поколение Z отказывается работать по часам, в офисе, предпочтение отдаётся свободному графику; они видят в работе не только способ зарабатывания денег, у них весьма высокие запросы. «Всё проходит, и это пройдёт» (Соломон).

Что дальше? Можно ли утверждать, что дистанционка будет доминировать в нашей постпандемийной жизни?

Думаю, что здесь всё неоднозначно. Технологически можно перевести в виртуальную среду многих людей, занятых интеллектуальной офисной работой. Однако при очевидном увеличении людей-одиночек, индивидуалистов, необходимо констатировать, что человек – это существо социальное. «Одиночество – великая вещь, если есть кому сказать об этом» – эти слова великого В. Г. Белинского. Скорее всего, люди по-прежнему склонны работать в командах с физическим присутствием, что не исключает удалённой работы. В любом коллективе стремление к неформальному одобрению со стороны коллег является одним из важнейших мотивационных факторов. Человек всегда будет нуждаться в принятии или непринятии своих действий, анализе, помощи или критике.

Особо следует выделить вопрос о дистанционной работе врача, учителя, воспитателя. Опираясь на свой более 30-летний опыт педагогической деятельности, могу утверждать, что дистанционные методы лишь дополняют работу в очной форме. Безусловно, можно воспитывать, обучать дистанционно, но при этом мы теряем романтику педагогики, дух обучения. Выдающиеся педагоги самым главным в своей деятельности считали «радость общения», «философию воспитания», «воспитание через обучение». А работа врачей, несмотря на широко внедряемые в настоящее время дистанционные осмотры и консультации, большей частью остаётся контактной. Лечение, воспитание и обучение переживают значительную трансформацию в связи с внедрением цифровых технологий. Однако с точки зрения социальных факторов современному человеку для самореализации кроме информационной среды и телекоммуникации необходимо встречаться с людьми, вести активную общественную жизнь, путешествовать, периодически менять профессию.

Социальные сети как инструмент манипуляции на международной арене и в целом в политической борьбе оказывают колоссальное влияние на политические процессы в мире, в первую очередь на выборы в различные органы государственной власти, о чём наглядно продемонстрировали две

¹ Моцойский С. Персональная мобильность в информационном обществе // Коммерсантъ Власть. 2016. 6 июня. С. 38.

последние кампании по выборам президентов США (2016 г. и 2020 г.). Развитие и распространение социальных сетей также повлияло на функционирование крупных корпоративных команд – в частности, с точки зрения ожиданий от скорости и эффективности взаимодействия.

Информационные войны, являясь, по сути, одним из старейших методов влияния на участников международных отношений, приобрели новое звучание благодаря новым технологиям. Виртуализация как глобальная мегатенденция перенесла всю тяжесть борьбы за умы людей в блогосферу, в интернет-пространство. Информационное пространство, являясь сегодня одним из неразделённых, становится главной ареной отстаивания национальных интересов субъектов мировой политики.

В мире сложилась информационная асимметрия, связанная с уровнем развития экономики, политических и социальных процессов в различных странах и регионах.

Информационная безопасность и сохранение национальной идентичности. Сегодня проблемы создания, внедрения, использования цифровых технологий тесно связаны с национальной безопасностью государства. Информационные технологии – это интеллектуальные ресурсы государства, в первую очередь человеческий капитал, определяющие его конкурентоспособность на глобальном уровне. Важным является вопрос комфортной среды для привлечения, воспроизводства и развития интеллектуального человеческого капитала и вовлечения его в бизнес для создания новых продуктов, сервисов, товаров. Одна из главных задач современного государства – мобилизация человеческих ресурсов извне, формирование собственного интеллектуального капитала, чтобы в будущем успешно конкурировать в глобальном масштабе. Тем, кто не занимается этим, остаётся роль поставщика сырья или организатора физического производства на базе низкоквалифицированных рабочих кадров.

Итак, развитие информационных технологий создаёт новое измерение международной политики, которое не заменяет традиционные методы дипломатии и политики, а лишь дополняет их. Решение задачи мобильности человеческого капитала требует комплексного стратегического взгляда, и в этом смысле развитие транспортной инфраструктуры совместно с распространением телекоммуникационных и информационных технологий может стать катализатором изменений и задаст вектор для опережающего движения на пути построения социально-экономической системы следующего десятилетия.

Владимир ШТОЛЬ
Ольга МЕЛЬНИКОВА

Роль Интернета в жизни современного общества

Сегодняшнее молодое поколение вряд ли может вообразить жизнь без современных средств связи и привычного современному человеку скоростного Интернета. Но такому положению дел предшествовал довольно долгий и сложный путь становления и развития этой технологии, благодаря которой оказалось возможным обеспечить развёртывание Всемирной паутины в мировом масштабе.

Интернет как глобальная информационная система представляет собой компьютерную сеть, узлы которой распределены по всему миру и при этом связаны логически благодаря использованию особого адресного пространства.

Если обратиться к статистическим данным, то несложно сделать вывод о том, насколько велик вес Интернета как средства коммуникации в современном обществе.

По данным ежегодного отчёта *Global Digital 2021*, на начало 2021 г. Интернетом пользуются 4,66 млрд чел. во всём мире, что на 316 млн (7,3%) больше, чем в прошлом году. Уровень проникновения Интернета сейчас составляет 59,5% [1].

К 2021 г. число пользователей Интернета в России достигло 124 млн чел.

В период с 2020 по 2021 г. количество пользователей Интернета в стране увеличилось на 6,0 млн (+5,1%). Уровень охвата Интернетом в России составляет 85,0% населения.

Очевидно, что пандемия коронавирусной инфекции COVID-19 повлияла на рост количества пользователей. По оценкам экспертов, число подключённых к глобальному Интернету электронных приборов в текущем году может превысить 25 млрд единиц [2].

ШТОЛЬ Владимир Владимирович – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений Дипломатической академии МИД России (Москва, Россия). E-mail: v.shtol@gmail.com

МЕЛЬНИКОВА Ольга Андреевна – кандидат политических наук, начальник отдела Департамента международной информационной безопасности МИД России (Москва, Россия). E-mail: dmib@mid.ru

¹ Вся статистика Интернета и соцсетей на 2021 год – цифры и тренды в мире и в России // URL: <https://www.web-canape.ru/business/vsya-statistika-interneta-i-socsetej-na-2021-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>

² Интернет вещей, IoT, M2M мировой рынок // URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/>

Интернет даёт современному человеку самые широкие возможности для получения, хранения, обработки и передачи информации. Его практическое применение делает доступным дистанционное обучение, получение медицинских, социальных и государственных услуг, выполнение различных видов работ, использование огромного потенциала искусства, литературы, публицистики, кинематографии и др.

Но как любая современная информационно-коммуникационная технология, Интернет несёт для пользователей не только блага, но и угрозы. К сожалению, рыночные принципы функционирования сети Интернет порождают ситуацию, при которой глобальное информационное пространство может трансформироваться во вредоносную среду. Сегодня Интернет превращается в главную платформу для распространения не только информации, но и различного рода политических манипуляций, а также вредоносного контента (например, ложной, запрещённой и экстремистской информации, порнографии, фашистских или экстремистских идей), фишинговых программ, компьютерных вирусов. При этом задействуются всё более совершенные инструменты как информационного, так и психологического воздействия на пользователей. Сочетание технологических и психологических приёмов даёт широкие возможности для различного рода манипуляций с использованием Интернета, которые применяются в отношении отдельных социальных групп, прежде всего молодёжной аудитории, а также для координации протестных выступлений и в конечном счёте дестабилизации целых обществ.

В условиях иллюзии анонимности форумы и иные цифровые платформы становятся средой для совершения правонарушений и воздействия на мировоззрение молодых людей, которые через Интернет сталкиваются с пропагандой экстремистско-террористической идеологии, демонстрации жестокости, получают информацию о способах самоубийства и употребления наркотиков.

Согласно исследованиям доминирование в цифровом пространстве негативной, включая агрессивную, информации приводит к некоторому увеличению агрессии, в том числе и в офлайн.

В среднем россияне проводят в Интернете 7 час. 52 мин. в день [3], причём около 40% из них сталкиваются с агрессией в Сети и порядка 20% отвечают агрессией на агрессию [4].

Всё это общемировые негативные тенденции использования Интернета, и многие государства очень обеспокоены подобной ситуацией.

В частности, положение с активностью интернет-группы «Голубой кит», в которой её организаторы подталкивали детей и подростков к совершению суицида, имела серьёзные последствия для отдельных стран. Втянутыми оказались дети из Украины и некоторых стран СНГ. Распространение её на

³ Чуть меньше сна: сколько времени россияне сидят в интернете // Газета.ru // URL: https://www.gazeta.ru/tech/2020/02/12/12956929/we_are_social.shtml

⁴ В Кремле объяснили регулирование Интернета критической ситуацией // URL: <https://petrozavodsk.bezformata.com/listnews/regulirovanie-interneta-kriticheskoy/94166165/>

цифровую среду Индии вылилось в значительное число случаев подросткового суицида.

Далеко не все государства имеют достаточные ресурсы для адекватного противодействия тем вызовам, которые несёт глобальная Сеть.

Технологически развитый Китай, занимающий первое место в мировой Сети по числу пользователей, применяет весьма жёсткие меры по регулированию национального интернет-пространства. Система регулирования имеет комплексный многоуровневый характер и включает:

- фильтрацию материалов с использованием технических методов и специального программного обеспечения;
- многоступенчатую фильтрацию непосредственно людьми-цензорами;
- внедрение системы штрафов и санкций в отношении нарушителей.

С 2003 г. в КНР функционирует система обеспечения безопасности «Золотой щит», которая в режиме реального времени осуществляет фильтрацию всего содержимого в китайском сегменте Интернет [5].

Доступ к зарубежным ресурсам, как *Facebook*, *Twitter*, *Youtube*, *Gmail*, *Google*, *Instagram*, *WhatsApp*, в КНР заблокирован. За нарушение правил доступа к запрещённым интернет-ресурсам пользователи несут ответственность вплоть до уголовной. Национальное законодательство, регулирующее эти вопросы, постоянно обновляется.

Наряду с ограничением деятельности глобальных интернет-сервисов китайские власти активно способствуют развитию в стране собственных информационных экосистем (*WeChat*, *Baidu*, *Weibo*), сопоставляемых по масштабам с западными, а также их продвижению на мировой рынок (яркий пример – сервис обмена короткими видеороликами *Tik-Tok*). При этом стоит отметить, что в целом китайские граждане имеют широкий доступ к интернет-ресурсам и информационным технологиям. Все услуги: банковские, медицинские, социальные, государственные осуществляются через Интернет, в том числе через мобильные приложения.

Конечно, китайская модель регулирования национального интернет-пространства, как представляется, малоприменима в чистом виде в наших условиях.

Вместе с тем регулирование этой сферы является законным и неотъемлемым суверенным правом каждого государства по защите своего информационного пространства, интересов человека и общества, а также обеспечение их безопасности.

Среди новых глобальных вызовов и угроз – намерение отдельных государств милитаризовать Интернет, развязать гонку кибервооружений. На это указал министр иностранных дел С. В. Лавров, выступая на общеполитической дискуссии на 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Нью-Йорк, 25 сентября 2021 г.) [6].

⁵ У стен есть уши // URL: https://lenta.ru/articles/2017/09/18/shield_pt1/

⁶ Выступление министра иностранных дел России С. В. Лаврова на общеполитической дискуссии 76-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, Нью-Йорк, 25 сентября 2021 г. // URL: https://archive.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/4867111

Интернет становится, по существу, супероружием XXI в., использование которого ни одной из стран и ООН не квалифицируется как акт вооружённого нападения. А соответственно, говоря юридически, не может быть приведена в действие ст. 51 Устава ООН о праве государств на самооборону в условиях вооружённого нападения.

Террористы всё активнее используют новые технологии для продвижения своей пропаганды, вербовки новых сторонников и финансирования своей деятельности. Через Интернет осуществляются хакерские атаки, нападения на объекты критической инфраструктуры, а также кражи конфиденциальных данных, в том числе персональных, банковской информации и т. д. И это далеко не полный список тех возможностей, которые новые технологии предоставляют преступникам.

Негативный информационный фон, созданный СМИ и интернет-ресурсами, существенно осложнил внутривнутриполитическую ситуацию во многих странах. Подтверждением этому являются массовые выступления населения (в Германии, Великобритании, Аргентине и других странах) против карантинных мер и неспособности властей справиться с ситуацией, а также обострение политической борьбы на фоне вируса в разных странах.

Наметилась ещё одна связанная с Интернетом тенденция. В СМИ просочилась информация о создании «Альянса за будущее Интернета» [7]. Планировалось его создание под эгидой США на основании согласованного, но не носящего юридически обязывающего характера документа, включающего политические договорённости по приведению внутренних правовых режимов стран – членов альянса в соответствие с принципами и нормами новой структуры. Пока идея не получила какого-либо институционального оформления, но это совсем не значит, что инициаторы от неё отказались.

В рамках данного проекта США, по сути, предлагают членам международного сообщества делать выбор: присоединяться к клубу государств, «разделяющих демократические ценности и стандарты», либо оказаться пособниками тех стран, которые, по их мнению, используют Интернет в качестве инструмента репрессий, пропаганды и подавления инакомыслящих.

Эта инициатива укладывается в активно продвигаемую западниками во главе с США концепцию построения «миропорядка, основного на правилах», на этот раз уже в виртуальном пространстве, нацеленную на фактическое разделение международного сообщества на два лагеря. Одновременно США стремятся сохранить за собой возможность технологического доминирования и фактической монополии в области управления Интернетом.

Россия выступает за интернационализацию управления сетью Интернет и равноправное участие государств в этом, сохранение суверенного права государств регулировать национальный сегмент Интернета [8], а на международных площадках отстаивает принцип, что глобальную политику в сфе-

⁷ «Расколоть мир на своих и чужих» // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12873665/>

⁸ Интервью заместителя министра иностранных дел Российской Федерации О. В. Сыромолотова международному информационному агентству «Россия сегодня», 29 декабря 2021 г. // URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1792733/

ре управления Интернетом необходимо выстраивать таким образом, чтобы соответствующие правовые нормы и стандарты вырабатывали не создаваемые по случаю альянсы, а профильные международные структуры под эгидой ООН. В частности, это может быть Международный союз электросвязи (МСЭ) – специализированное учреждение ООН, в состав которого входят 193 государства и порядка 700 ассоциированных членов из числа частных компаний, занимающихся вопросами электросвязи, а также научных учреждений и неправительственных организаций.

Прямого участия в управлении Интернетом МСЭ не принимает. Союз играет значительную роль исключительно в техническом обеспечении сетей связи.

В Тунисской программе (2005 г.) Всемирной встречи на высшем уровне по информационному обществу была поставлена задача равноправного участия государств в управлении Интернетом. Во исполнение этого решения при Совете МСЭ была создана соответствующая рабочая группа (РГС-Интернет). Таким образом, формально вопросы управления Сетью в стенах МСЭ обсуждаются. Однако деятельность группы не даёт практических результатов, поскольку всячески блокируется США и их партнёрами.

Ситуация в области обеспечения информационной безопасности Российской Федерации, как и других стран, остаётся сложной. Сохраняется тенденция к нарастанию угроз в информационной сфере, связанных с деятельностью преступных сообществ и хакерских группировок. Продолжаются атаки на объекты критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, осуществляющиеся с территории других стран. Их целями являются государственные органы и учреждения, объекты социального обеспечения, а также организации оборонной промышленности, транспорта, связи и энергетики.

Количество компьютерных преступлений неизменно растёт.

Более 55% таких преступлений совершается с использованием сети Интернет и около 40% – с использованием средств мобильной связи. Кражи и мошенничества составляют более 75% компьютерных преступлений, из них более 60% совершается с использованием методов социальной инженерии [9].

Распространение противоправной информации в сети Интернет остаётся на высоком уровне. В то же время в Российской Федерации обеспечивается устойчивость функционирования российского сегмента Интернет. Нарращивается практический инструментарий по блокировке и удалению противоправных материалов. В России этим занимается Роскомнадзор.

В целях повышения эффективности деятельности по противодействию распространению противоправной информации, выявлению и блокированию в сети Интернет информации экстремистского и террористического характера, недостоверной общественно значимой информации, различной запрещённой информации, а также незаконного распространения персо-

⁹ Число киберпреступлений в России выросло в 11 раз за пять лет // URL: <https://tass.ru/obschestvo/10616343>

нальных данных и ограничения незаконного доступа к ним осуществляется дальнейшее совершенствование российского законодательства.

В России вступил в силу так называемый закон о приземлении [10], который обязывает крупные зарубежные интернет-компании, работающие с российской аудиторией более 500 тыс. чел., открывать в стране полноценные представительства (филиалы), чтобы с ними при необходимости могли взаимодействовать силовые органы (в случае, если компания, например, отказывается ограничивать распространение запрещённой информации). Также им необходимо будет завести личный кабинет на сайте Роскомнадзора и использовать его для взаимодействия с государственными органами России, а также разместить на своём информационном ресурсе электронную форму для направления обращений российских граждан и организаций.

Законом предусмотрен ряд мер принуждения к исполнению владельцами иностранных интернет-ресурсов его норм – от информирования российских пользователей о нарушении законодательства до полной блокировки их ресурсов на территории страны. Корпорации *Google*, *Apple*, *Meta*, *Twitter* и другие пока представительства не открыли.

В современных условиях сохранение цифрового суверенитета становится не только основой дальнейшего развития, но и важным фактором существования любого государства. На длительную перспективу необходимо также взять курс на разработку отечественных цифровых продуктов, которые станут хорошей альтернативой западным медиаплатформам. Это также позволит не только противостоять глобальным IT-корпорациям, но и наглядно продемонстрирует всему миру, что Россия может развивать ресурсы Интернета самостоятельно.

¹⁰ Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети Интернет на территории Российской Федерации» // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46991>

Аликбер АЛИКБЕРОВ

Использование метода сетевого анализа для изучения стран Востока

Сетевой анализ (*Network analysis*) относится к числу линейных статистических методов, нацеленных на поиск связей и отношений между разрозненными явлениями, фактами, объектами от масштаба микроуровня до макроуровня анализа. Этот метод принадлежит не только к числу системных, но и реляционных, хотя сетевые модели данных, как и иерархические, являются альтернативами собственно реляционных моделей данных. Он использует реляционный подход к анализу материала, что позволяет получить более точную, адекватную реальности картину произошедшего.

Системный анализ включает в себя и анализ социальных сетей, в том числе анализ исторических социальных сетей (*Historical social network analysis – HSNA*). Ч. Уэзерелл сетует на то, что концептуальная ориентация специалистов, практикующих анализ исторических социальных сетей, остаётся незнакомой большинству профессиональных историков [1]. А между тем, несмотря на концептуальные, методологические и доказательные препятствия, такой анализ обладает реальным потенциалом для изучения истории.

В качестве разновидности системного и реляционного анализа сетевой анализ давно и успешно используется в исторических исследованиях, в том числе и в отечественной историографии. Здесь приоритет определён принадлежит научной школе Л. И. Бородкина [2]. Актуализация метода системного анализа связана с возрастанием сложности больших данных за последние годы, обусловленным различными причинами, в первую очередь увеличением объёмов производства больших данных, в частности, в связи с развитием социальных сетей. В сетевом анализе со-

АЛИКБЕРОВ Аликбер Калабекович – доктор исторических наук, профессор, директор Института востоковедения РАН (Москва, Россия). E-mail: alikberov@mail.ru

¹ Wetherell Ch. Historical Social Network Analysis // New Methods for Social History. Ed. by Larry J. Griffin, Marcel van der Linden, Josepha Sherman. Cambridge, N.Y.: Press Syndicate, 1999. P. 125–144.

² Бородкин Л. И. Сетевой анализ в исторических исследованиях: микро- и макроподходы // Историческая информатика. 2017. № 1. С. 110–124.

циальные структуры рассматриваются в качестве системы узлов (отдельных действующих лиц, людей или предметов в сети) и связей, отношений и взаимодействий, которые их связывают. Они визуализируются с помощью социограмм, в которых узлы представлены в виде точек, а связи – в виде линий.

Для визуализации связей и отношений в коммуникативных системах сетевой анализ использует элементы и инструментарий сетевой теории и теории сетей, включая теорию графов, а также конкретные сетевые методы исследования.

Так, разнопорядковые сети изучаются с помощью сетевых метрик и иерархических схем кластеризации.

В настоящее время широко доступно программное обеспечение для хранения, обработки и анализа сетевых данных, прежде всего:

- *UNISO*N – инструмент для анализа социальных сетей;
- *NetworkX* – набор инструментов для создания, манипулирования, анализа и визуализации графиков;
- *NetMiner* – программа для анализа и визуализации больших сетевых данных, включая семантический сетевой анализ (*Semantic network analysis*) значительных массивов текстового материала;
- *Gephi* – интерактивная платформа визуализации и исследования для всех видов сетей и сложных систем, динамических и иерархических графов;
- *GraphStream*, *Graph-tool* и *Graphviz* – программные средства, из которых первое используется для создания статических и динамических графиков, второе – для их анализа, а третье – для визуализации результатов анализа;
- *AllegroGraph* – транзакционная база данных, позволяющая хранить связанные данные в формате *RDF*.

В востоковедении сетевой анализ является одним из важнейших методов системного изучения истории и современных проблем развития восточных обществ. Рассмотрим три примера специального использования метода для изучения стран Востока.

Использование метода сетевого анализа для изучения экономики и политики в странах Востока

Опыт сетевого анализа внешней торговли в странах Юго-Восточной Азии широко представлен в исследованиях А. В. Владимировой.

Так, в статье, посвящённой исследованию роли Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), торговые сети и договора о преференциальной торговле проанализированы с использованием однодольных и двудольных графов.

Метод сетевого анализа позволил исследователю вычислить показатели центральности стран региона и сравнить их между собой [3].

³ Владимирова А. В. Измерения «асеоноцентричности»: сетевой анализ внешнеторговых связей Азиатско-Тихоокеанского региона // Теоретическая и прикладная экономика. 2017. № 2. С. 1–9.

Метод особенно хорошо работает с международными торговыми сетями, помогая выявить историческую динамику развития международных экспортных и импортных операций [4].

В рамках обеспечения условий для верификации данных А. В. Владимирову уделяет особое внимание вопросам подготовки данных и оценке их качества, в частности, пропускам и асимметрии, которые важно учитывать при построении сетевых моделей [5].

Использование сетевого анализа выходит за пределы изучения внешней торговли, этот метод позволяет также исследовать эффективность международного сотрудничества, применения политики «мягкой силы» или санкционной политики в тех или иных странах или регионах.

Анализ социальных сетей на Востоке

Анализ социальных сетей (*Social network analysis* – *SNA*) предполагает привнесение комплекса математических и программных инструментов исследования сетей в область изучения социальных явлений. Он позволяет качественно реализовывать изучение механизмов формирования и функционирования разнообразных коммуникативных связей и структур, формирующихся во многих областях человеческой деятельности. В научном понимании социальная сеть – модель социальных явлений, отражающая совокупность социальных объектов, представленных в виде набора узлов, и социальных взаимоотношений – связей между ними.

Исследование сетей даёт новый набор объяснительных моделей и аналитических инструментальных средств, которые находятся вне рамок обычных количественных методов [6]. Здесь создан развитый математический аппарат, позволяющий строить весьма сложные модели социальных коммуникаций, описывающие социальные системы различного типа. Продуктивность анализа социальных сетей следует из важной предпосылки о том, что общество в основном обусловлено характером коммуникаций между её членами. Анализ социальных сетей фактически есть способ репрезентации данных о коммуникации *Ego*.

В информационно-коммуникационном анализе сеть представляется совокупностью различных *Ego*, называемых в акторно-сетевой теории Б. Ла-

⁴ Vladimirova A.V. Exploring Evolution of International Trade Networks: Overview of Data Preprocessing Issues // Исторические исследования в контексте науки о данных: информационные ресурсы, аналитические методы и цифровые технологии. Материалы международной конференции. Москва, 4–6 декабря 2020 г. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 209–217.

⁵ Владимирову А. В. Сетевой анализ и верификация данных: асимметрия в показателях статистики внешней торговли стран Азиатско-Тихоокеанского региона // Альманах «Казачество». 2018. № 36. С. 35–47.

⁶ Easley D., Kleinberg J. Networks, Crowds, and Markets: Reasoning About a Highly Connected World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010; Kadushin C. Understanding Social Networks: Theories, Concepts, and Findings. Oxford: Oxford Univ. Press, 2011; Быстрицкий Н. И. Исследования сетей в исторической науке // Исторический журнал: научные исследования. 2017. № 3. С. 39–51.

тура акторами, и связей определённого вида между ними. Несомненно, на основе одной и той же совокупности акторов можно строить различные конфигурации сетей, составляя их из разных видов коммуникации: политических, этнических и религиозных [7]. Сети, составленные на основе одного вида связей, являются одноконтекстными, двух – двуконтекстными, и более – мультиконтекстными сетями. В целом сетевые структуры могут анализироваться на уровне центральных акторов, уровне диад и триад, уровне подгрупп с повышенной сетевой плотностью (кластеров) и общесетевом уровне.

Результатом анализа сети является определение ряда сетевых показателей:

– *показатель центральности* указывает на статус, влияние и местоположение актора и даёт понимание его возможной роли в социальной коммуникации: лидер, советник, эксперт, распространитель, связной, медиатор, отшельник и др. [8];

– *показатель силы связи* может характеризовать различные аспекты межличностной коммуникации: продолжительность, интенсивность, близость, уровень взаимного доверия и пр.;

– *показатель размера сети* используется при измерениях величины исследуемых социальных групп;

– *сетевая плотность (сплочённость сети)* оценивает концентрацию связей в сети: чем их больше, тем активнее осуществляется взаимодействие;

– *показатель централизации сети* является мерой неравенства и демонстрирует степень иерархизированности общества.

Тщательное построение сетевой модели и комплексная оценка сетевых параметров позволяет исследователю увидеть проблему с иного ракурса, выявить коренные, в том числе скрытые факторы изучаемых общественных явлений, понять, каким образом конкретные коммуникативные ситуации влияют на сознание и поведение людей.

Сетевой анализ текстовых и аудиовизуальных материалов в киберисламской среде

Особый интерес представляют сетевые методики анализа интернет-материалов и новых форм исламских текстов в исламоведении.

Как показывает многолетний опыт работы Г. Банта в этой области, сетевой анализ является важнейшим инструментом для изучения киберисламской среды (*Cyber-Islamic Environments*), а также террористических организаций на Ближнем Востоке и их деятельности по всему миру, которые ак-

⁷ Кончаков Р. Б., Стрекалова Н. В. К проблеме изучения сетевых связей государственных служащих в провинциальном городе начала XX в. методами SNA // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38. С. 111–112; Забаев И. В., Пруцкова Е. В. Социальная сеть православной приходской общины: возможности применения анализа социальных сетей в социологии религии // Вестник ПСТГУ. Серия I: Богословие. Философия. 2013. № 4 (48). С. 120–136.

⁸ Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартшвили А. Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Изд-во физико-математической литературы, 2010.

тивно развивают цифровые медиа для расширения и оправдания своего влияния и привлечения молодёжи. Цифровые источники определяют отношение мусульман к власти как политической, так и духовной, религиозной жизни, духовным авторитетам [9]. В киберпространстве они находят ответы на интересующие их религиозные вопросы.

Интернет-коммуникации размывают авторитет традиционных моделей власти и религиозных организаций.

Современный ислам осваивает новые социальные практики: чат-инициации в суфийские братства, т. е. передачу наставником вирда (письменного разрешения духовного наставника на передачу сокровенного знания) своим ученикам по электронной почте, месседжерам, присяги главам террористических организаций по Skype, получение электронных фетв (исламских правовых решений по конкретному вопросу) и т. д. [10].

Р. Розеналь показал информационно-коммуникативные взаимодействия суфиев в сети [11]. А. Д Кныш проанализировал риторику последователей террористической организации «Кавказский Имарат», запрещённой в России [12].

Не менее актуальны исследования исламских экстремистских структур и движений, организованных по сетевому принципу (Дж. Эспозито, Б. Робертсон, С. Штерн и др.).

Полноценному использованию метода системного анализа мешает множество объективных причин:

- проблема пропусков и асимметрии данных (зеркальной статистики), т. е. проблема полноты информации;
- ошибки ввода и обработки информации в базах данных;
- несовершенство самих баз данных и иные проблемы качества данных.

Однако совершенно очевидно, что будущее за верифицируемым, т. е. настоящему научным, основанным на проверенных данных знанием о людях и событиях, а метод сетевого анализа как раз один из наиболее важных и проверенных инструментов для достижения такого знания.

⁹ Bunt G. R. Hashtag Islam: How Cyber-Islamic Environments are Transforming Religious Authority (Islamic Civilization and Muslim Networks). The Univ. of North Carolina Press, 2018; Rozeňnal R. Cyber-Sufis. London: Oneworld Pub., 2019.

¹⁰ Bunt G. R. Islam in the Digital Age: E-Jihad, Online Fatwas and Cyber Islamic Environments. London and Sterling, VA: Pluto Press, 2003.

¹¹ Rozeňnal R. Cyber-Sufis. London: Oneworld Pub., 2019.

¹² Knysh A. Islam and Arabic as the Rhetoric of Insurgency: The Case of the Caucasus Emirate // Studies in Conflict & Terrorism. 2012. Vol. 35. № 4. P. 315–337.

Марианна АЛБОРОВА
Юлия ПЕРЕХОД

Угрозы международной информационной безопасности в условиях обострения геополитических противоречий

Современный мир характеризуется развитием информационно-коммуникационных технологий, которые значительно расширили спектр вызовов, влияющих на мир и безопасность, что, в свою очередь, привело к уязвимости общества в условиях киберугроз 20-х годов XXI в. Статистические данные за 2020 г. убедительно свидетельствуют о росте киберпреступности в мире и о масштабах проблемы в сфере международной информационной безопасности (МИБ).

Как отмечал министр иностранных дел России С. В. Лавров, «угрозы кибербезопасности сегодня затронули все страны мирового сообщества» [1].

Обострение геополитической ситуации на пороге 2021–2022 гг. ещё чётче проявило накопленные противоречия, при этом милитаризация глобального информационного пространства, вызванная новым витком гонки вооружений, усилилась. Подобные вызовы ставят под вопрос сложившуюся систему международной безопасности и стратегическую стабильность в целом.

Россия стала первой страной, заявившей о необходимости международного сотрудничества в области информационной безопасности. Именно в российских инициативах представлены последовательные усилия по формированию международного взаимодействия в данном вопросе. С 1998 г. по предложению России были приняты резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о международной информационной безопасности для объединения мирового сообщества.

По инициативе России на 53-й сессии Генассамблеи ООН (1998 г.) была принята резолюция, в рамках которой государства – члены организации рас-

АЛБОРОВА Марианна Борисовна – ведущий эксперт Центра международной информационной безопасности и научно-технологической политики МГИМО МИД России (Москва, Россия). *E-mail:* alborova2205@mail.ru

ПЕРЕХОД Юлия Александровна – преподаватель иностранных языков и перевода, Международная Академия бизнеса и управления (Москва, Россия). *E-mail:* yulya.perekhod@mail.ru

¹ Пресс-конференция министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова по итогам деятельности российской дипломатии в 2021 году // URL: <https://www.mid.ru/>

смотрели угрозы в области МИБ для обеспечения стратегической стабильности и равного партнёрства в глобальном информационном пространстве [2]. Чтобы достичь консенсуса в вопросах обеспечения безопасности в данной сфере, за более чем 20-летний период были проведены многочисленные переговоры на двустороннем, многостороннем региональном и глобальном уровнях.

Государственная политика в обеспечении международной информационной безопасности непосредственно связана со стратегическими национальными приоритетами и содействием созданию мирного и безопасного цифрового пространства, что отражено в Указе Президента об Основах государственной политики в области МИБ [3].

Также Российская Федерация выступила инициатором всестороннего диалога по МИБ на площадке рабочей группы открытого состава (РГОС). В рамках этого формата была достигнута возможность обсуждения и принятия конкретных решений в области обеспечения международной информационной безопасности.

Пандемия, начавшаяся в 2019 г., несомненно, ускорила цифровизацию во всех сферах общественных отношений [4] и обострила вызовы технологического мира цифры, который создаёт не только возможности, но и порождает значительные угрозы в информационной среде, затрагивающие интересы личности, бизнеса, государства. При этом необходимо понимать, что решить вопрос информационных угроз в одиночку невозможно. Для эффективного противодействия им необходима скоординированная работа всего мирового сообщества.

Анализируя вопрос современных угроз в сфере международной информационной безопасности, важно выделить три основных направления:

- киберпреступность;
- кибертерроризм;
- использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ)

в военно-политических целях.

Сегодня в столь сложных геополитических условиях обостряются и проблемы использования ИКТ террористическими и преступными группами. В российской практике информационный терроризм определяется как совокупность форм активности экстремистских и террористических организаций. Средства ИКТ могут быть использованы и с целью пропаганды идеологии терроризма через СМИ, и для совершения террористических атак на информационные системы (кибертерроризм).

Все страны стремятся сформировать свои национальные стратегии по обеспечению безопасности критических информационных инфраструктур с учётом рисков, связанных с кибервооружением, распространением вредо-

² Международная информационная безопасность: теория и практика. 2-е изд. доп. М.: Аспект Пресс, 2021. С. 149.

³ Указ Президента России от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // URL: <http://kremlin.ru/acts/news/65350>

⁴ Алборова М. Б. Социальные вызовы и угрозы глобального общества в постиндустриальной цивилизации // Традиционные и новые социальные конфликты в XXI веке: XIV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2020». Сборник материалов. М.: МАКС Пресс, 2020. С. 794–796.

носных программ и т. д. Всё чаще звучит обеспокоенность в связи с распространением информационных войн и информационного оружия.

Конфликтность в глобальном информационном пространстве нарастает, наметилась гонка информационных и кибервооружений, которая будет отражать текущий баланс сил на международной арене. В настоящее время в информационном пространстве, по мнению ряда как российских, так и зарубежных исследователей, наметилось состояние относительного баланса сил, и наша страна играет одну из ключевых ролей на международном уровне.

Как отмечено в Концепции внешней политики (2016 г.), «Россия принимает необходимые меры для обеспечения национальной и международной информационной безопасности, противодействия угрозам... исходящим из информационного пространства» [5].

Сегодня сформированы и активно работают структуры, в задачу которых входит обеспечение национальной безопасности в информационной сфере. В базовых государственных документах закреплены принципы и нормы международного права, действующие в глобальном информационном пространстве с акцентом на фактор информационно-коммуникационных технологий и с учётом обеспечения международной информационной безопасности.

Рассмотрены вопросы трансграничного характера угроз, учтены масштабы последствий, которые свидетельствуют о необходимости комплексной работы всего международного сообщества для предотвращения обострения угроз в сфере информационной безопасности.

В апреле 2021 г. Указом Президента России № 213 были утверждены «Основы государственной политики в области международной информационной безопасности» [3].

Как указано в документе, угрозами современного мира являются информационно-коммуникационные средства, если применяются в следующих целях:

- подрыв суверенитета и нарушение территориальной целостности государств;
- пропаганда терроризма и привлечение к террористической деятельности новых сторонников, а также иные террористические действия;
- совершение преступлений в сфере компьютерной информации, а также совершение различных видов мошенничества;
- ограничение доступа других государств к передовым технологиям и расширение монополизации;
- вмешательство во внутренние дела суверенных государств с экстремистскими целями.

На современном этапе из всех вышеперечисленных угроз наиболее опасной и значимой становится использование информационно-коммуникационных технологий международными террористическими группировками для причинения ущерба работе критически важной инфраструктуры государств и общества.

⁵ Концепция внешней политики Российской Федерации (утв. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 30 ноября 2016 г.) // URL: https://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptlCk6BZ29/content/id/2542248

Наиболее уязвимыми объектами инфраструктуры становятся информационные системы, телекоммуникации, транспортные системы, объекты химической, ядерной энергетики, финансовые структуры и многие другие.

Современное ускоренное технологическое развитие позволяет многократно увеличивать вредоносный потенциал ИКТ и использовать его в военных целях. Происходит стремительная эволюция системы искусственного интеллекта, которая даёт возможность его применения в военной технике. Активнее стали использоваться возможности беспилотной техники и автономных боевых роботов.

Все вышеперечисленные вызовы представляют риски глобальной безопасности и требуют незамедлительного поиска дополнительных механизмов международного управления и контроля. Важно отметить, что мировое сообщество осознаёт серьёзность кризиса и призывает к решению проблемы на наднациональном уровне.

Киберугрозы сегодня проявляются в самых разнообразных формах. Важно отметить, что процесс совершенствования технологий лишь расширяет возможности для неправомерного использования информационно-коммуникационных технологий.

Сегодня деятельность международного сообщества направлена на предотвращение угроз, согласование позиций государств, формирование норм международного права. В этих условиях главная цель российских переговорных усилий на ооновских площадках – консолидация на международном уровне парадигмы предотвращения конфликтов в информпространстве, недопущения его милитаризации и поощрения мирного использования ИКТ.

Силовое воздействие на информационные ресурсы и системы государств и другие современные угрозы являются реальностью сегодняшнего дня, и их масштабы будут только расширяться. Информационное оружие обладает значимой силой, позволяющей физически уничтожить или вывести из строя объекты критически важной инфраструктуры противника. Превосходство в информационной сфере рассматривается как один из факторов достижения целей национальной стратегии в специфических условиях информационной революции. Для этого создаются специализированные подразделения в структурах вооружённых сил и спецслужб, разрабатываются концептуальные документы, регламентирующие вопросы подготовки и ведения информационных операций, проводятся соответствующие учения.

Россия, инициировав вопрос обеспечения международной информационной безопасности ещё на рубеже веков, последовательно добивается выработки единой рациональной политики с целью преодоления противоречий и достижения взаимопонимания в сфере МИБ.

Наргис НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА

Нетрадиционное представление безопасности

Сегодняшняя повестка как прямо, так и косвенно циркулирует вокруг темы «безопасность». Разумеется, данное понятие постоянно присутствует в контекстах с совершенно разными атрибутами, структурами смысла и логикой действий. Этот феномен, то, что на Западе называют *security*, выстраивается на постоянной попытке определить, что это такое? И тем не менее у всех нас оформляется восприятие того, что безопасность в целом как концепция всегда остаётся оспариваемой, так как само понятие всецело зависит от того, где отправная точка, т. е. кто является автором политики безопасности, кто может быть представлен как тот, кто зарабатывает очки, в чью обязанность входит оформление стратегии реализации безопасности. Все эти вопросы из категории «кто, что, где и как» позволяют расширить платформу, которая обычно зиждется на адаптации концептуальной основы к эмпирическому контексту.

С другой стороны, понятие «контекст» скорее напоминание нам всем, кто укрылся от мира экраном, что по всей нашей Земле культура коронавируса возникает спонтанно и творчески. И нынешнее мироустройство позволяет обсудить вариант нетрадиционной безопасности. Всем исследователям понятно, что сдвиг парадигмы, введённой пандемией, требует, чтобы государственные институты признали многогранный характер национальной безопасности, а также её взаимосвязанность и взаимозависимость с международной безопасностью. И то и другое должно рассматриваться комплексно. Ни одно решение никогда не представится больше изолированно, что связано с пандемийными ограничениями. *COVID-19* развеял любые представления о том, что мы не живём в глобальном обществе.

Посмотрим на примеры, которые нам демонстрируют такой тренд.

Вспомним о последней шумной дискуссии по Закону о QR-кодах. Большинство наших сограждан заявили о непринятии ограничений в виде каких-либо кодов (пост спикера В. В. Володина вызвал небывалый общественный резонанс [1]). В основном граждане выражают недовольство по законопроекту и

НУРУЛЛА-ХОДЖАЕВА Наргис Таловна – доктор философских наук, доцент кафедры стран Центральной Азии и Кавказа МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия). *E-mail:* NurullaNT@my.msu.ru

¹ Пост Володина о проектах про QR-коды набрал миллион просмотров в Telegram, 6 декабря 2021 г. // URL: <https://ria.ru/20211206/qr-kod-1762453152.html>

требуют его пересмотра. Но здесь возникает резонный вопрос: такое непринятие кодов будет ли влиять на продолжение нашего сидения у экранов и, что ещё проблематичнее, может ли такое отношение опечалить нас после нового года?

Второй пример связан с Западом – спорами о патентной защите вакцин.

На Западе говорят, что неприкосновенность патентов должна быть сохранена. Тогда как Россия, Китай и другие страны мира, вне Запада, на это отвечают, что патенты чрезмерно защищают интеллектуальную собственность и мешают всеобщей вакцинации населения планеты. Это опека интеллектуальной собственности, а точнее, тот контекст, что *Pfizer*, *BioNTech* и *Moderna*, разработчики трёх наиболее популярных на Западе вакцин, зарабатывают почти 1000 долл. в секунду на троих, позволяет вновь поставить знак вопроса [2].

Парадокс в том, что в обоих примерах показана хрупкость и непригодность традиционной допандемийной безопасности. Это позволяет выйти на следующий вариант рассмотрения нетрадиционной безопасности, это скорее национальная безопасность, которую необходимо видеть многогранной, и международная безопасность как неотъемлемая часть глобального общества.

Такой подход, когда национальные составляющие безопасности синтезируются с глобальными, – то, к чему мир пока не привык. Однако в постпандемийном мире безопасность требует отказа от дистанцирования и ведёт к оценке безопасности и практике безопасности даже в отсутствие объединяющего определения, что такое безопасность. Или иначе: требуется понимание устойчивости безопасности, которая прекрасно была представлена в суфийской философии.

Если говорить о нетрадиционной (или, точнее, несовременной) безопасности в период пандемии, то здесь нужен совет специалиста, который обладает этими знаниями. Нужен мудрец вселенского масштаба. Один из вариантов – это Ибн Сина (известный большинству как Авиценна), живший в X в. Это был человек, который не создавал вражды между природой и человеком, для него жизнеустойчивость, утверждающаяся через призму воспитания, была всегда приоритетом.

Ибн Сина знал о вирусных заболеваниях намного больше, чем наши вирусологи, так как кроме рационального представления проблемы у него было знание духовной непрерывности порядка, что эта вирусная телесная реальность пронизана реальностью, более великой и тонкой, и что она, в свою очередь, содержится в духе. Именно это знание вело его к пониманию, что все эти вирусы имеют бесконечную силу, что сам человек больше чем сам человек, в нём заключена вся Вселенная. В земной реальности нет ничего более понятного, чем сущность вещей, которые не могут быть определены под микроскопом, они не поддаются расчётам. Для Ибн Сины человек и ви-

² Pfizer, BioNTech and Moderna making \$1,000 profit every second while world's poorest countries remain largely unvaccinated; November 16th, 2021 // URL: <https://reliefweb.int/report/world/pfizer-biontech-and-moderna-making-1000-profit-every-second-while-world-s-poorest>

рус демонстрируют «прерывистую непрерывность». Это различные организмы. Однако между ними существует родство, так как один проникает в другой, а первый воспринимает это проникновение. Они одновременно связаны и демонстрируют качественный разрыв. И если человек выживает, он лишь доказывает: устойчивость в нашей жизни не создаётся (или иначе, она не заканчивается и не начинается).

Если это так, то прав ли наш современник-вирусолог с его техническим знанием и стремлением разгадать природу вируса, но не человека, и все то, что за таковым? Возможно, это его/её вина в том, что люди не доверяют людям?

Вероятно, всем необходимо иное понимание, позволяющее увидеть потенциал нетрадиционной безопасности через призму жизнеустойчивости в ином, возможно, в «суфийском» свете. Об этом также говорил великий Дж. Руми. Через поэму Маснави Ма'нави он превращал читателя в своего друга и сам становился другом. Суфий верил, что, читая стихи, «каждый человек по своему собственному предчувствию становится моим другом» [3]. Таким актом он соединяет опыт читателя и автора, декларируя свой вариант нетрадиционной безопасности. Такая связь отражает то, что существует вне.

То, что Аристотель назвал «активный интеллект» (или разумный), и в человеке существует то, что философ назвал «материальный интеллект» (или пассивный) [4]. Он поднял бурю обсуждений, которые не утихают больше двух тысяч лет. Такой интеллект позволяет идти знанию как «от завесы к завесе», как сказал Ибн Сина. Вплетение идей от древних мудрецов требует участия и современной интеллектуальной элиты.

Такого рода идеи приводят нас к теме, что люди на планете являются носителями культуры, в которой есть «напоминание для тех, у кого есть сердце, кто прислушивается и присутствует при этом» (Коран 50:37).

³ Руми Дж. Сокровища Вспоминания. / Пер.: Л. Тираспольский. М.: Ганга, 2017.

⁴ Аристотель. О душе // URL: https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/arist/01.php

Александр СУХАРЕВ

Мемы как инструмент формирования массового сознания

Современная типология мемов представлена следующими категориями:

- *образно-ассоциативными мемами* («колорады», «ватники»);
- *сущностно-смысловыми мемами* (вызывающими чувство сомнения и противоречия, например, «вы не русские, а русскоязычные европейцы, а вами руководит азиат по складу ума»);
- *альтернативно-протестными мемами*, формирующими новые нормы («кто не скачет, тот москаль»);
- *позиционирующими мемами* (сетевые центры и порталы в Латвии, Литве и на Украине по противодействию российской пропаганде под символическими брендами «Эльфы против Троллей», «Фейко-Грыз», «Стоп-фейк»);
- *апеллирующе-предписывающие мемы* («не заключайте сделку с Дьяволом, обменивая национальный суверенитет на дешевое топливо»);
- *эмоциональными* (в контурах трёх «С» – смерть, как страх, секс).

Например, якобы погибшая кошка Скрипалей консолидировала общественное мнение в праведном гневе за справедливость в большей степени, чем инспирированное отравление самого перебежчика.

Во многом на мемо-технике и формировании мнемических образов построена современная система информационного политического троллинга (часто на контрасте уничтожения – героизации).

В ситуации монопольного права на её производство и внедрение норма объективно становится прогрессивным элементом упорядочивания и структурирования отношений в политике, экономике и с той же динамической силой используется для выстраивания и наказания неудобных аутсайдеров или потенциально опасных конкурентов.

Неслучайно Верховный комиссар ЕС по международным делам Ж. Баррель недавно откровенно заявил, что западный мир установил стандарты во всех сферах жизни и зафиксировал их, имея в виду норму не как основу общепризнанного права, а как диктатуру стандартизированных правил.

СУХАРЕВ Александр Иванович – доктор политических наук, профессор кафедры международного сотрудничества факультета маркетинга и международного сотрудничества ИУРР, РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: aisoukharev@gmail.com

Именно на стыке этих понятий в политической практике закладывается вирус институциональной трансформации и политтехнологическая основа для инициации «мятежного, бунтующего» общества.

В реальной политике это достигается через технологические механизмы в следующей последовательности управления объектами воздействия:

- влияние на память за счёт вброса критической массы требуемых мемов;
- инициирование в памяти механизма замещения (выборка и доведение до сознания новых, более значимых и доминантных единиц событийной информации);
- формирование устойчивых мемо-стереотипов, своего рода интерпретаторов сущностного содержания смыслов;
- эмоционально-пассионарная раскрутка этих стереотипов под новые массовые субкодексы;
- нормативное закрепление стереотипов в сознании;
- выход на воображаемую псевдоадекватность восприятия, побуждающую и регулирующую в нужном формате воспроизводимые действия.

Однако одних «кричащих» мемов (*Screeching Mem*) недостаточно. К этому необходимо добавить формирование среды доверия, например, через авторитетное мнение признанных или раскрученных публичных «оракулов». Тогда нужный результат общественно-политического поведения достигается достаточно быстро. В этих целях задействуются специально разработанная технология *trust-building* – формирование доверия и её производные – *trust-building activities* – деятельность по формированию доверия, *calculated trust* – просчитанное доверие, *trust-based governance* – управление, основанное на доверии.

Завершающим этапом этого цикла является выход на моделирование адекватных поставленным задачам стереотипов, т. е. закрепление бессознательного с побуждением и мотивацией к действиям. Политтехнологический феномен выборов президента Д. Трампа – это, по сути, обновлённая версия устойчивых для значительной части американцев стереотипов: в кризисной ситуации стране нужен *tough guy*, «крутой парень», который всех победит и упрочит мировое лидерство Америки.

Актуальный пример на эту тему. Американский социологический центр *Pew Research* регулярно проводит опрос граждан различных стран мира о «доверии и степени неприязни к России» и из года в год фиксирует рост недоверия к современной России, на основании чего формируется имиджевый и стереотипный образ нашей страны как государства-изгоя, ревизиониста, оккупанта, агрессора и, соответственно, цивилизационного врага.

Главная задача – это выстроить соответствующие новым «движущим силам» нормы (включая идеологическую составляющую), одновременно скомпрометировав старый нормативный порядок; консолидировать протестное меньшинство и снабдить его эффективными защитными средствами; запустить механизмы воспроизводства связей и отношений в заданном формате, пусть даже на короткий, «прорывной» период, как, например, на период «цветных революций».

В социально-политических отношениях технология – это стратегия действий, направленная на изменение (деформацию) образа реальности и поддержание на определённом временном отрезке заданных иллюзий, мифов, фобий, т. е. инструментов манипулятивного воздействия. Суть этих технологий сводится к простой двучленной формуле: «создать – развеять».

Например, в европейских институтах памяти подготовка волонтеров идёт именно по этим методикам развенчания якобы ложного исторического прошлого и формирования нового, критического знания. В этот курс, в частности, входит:

- технология «отторжения» прошлого – устранение ориентиров самоидентификации социума с выходом на установку самоуничтожения (*miserability*);
- инструментальные штампы – «чем темнее ночь, тем ярче звёзды» (зачистка «белых пятен» истории);
- «многое вместо важного» – монополизация информационного пространства;
- демонизация и виктимизация явления – абсолютизация процесса до абсурда (социальные программы типа «Мы все жертвы» с широким спектром управляемого воздействия, включая проблемы межнациональной розни, отношения власти и народа и т. д.).

Западные страны, и в первую очередь США, первыми прошли дистанцию от моноцентричного мифотворчества экзистенциального мира к массовому производству социально-политических, планетарных мифов, где виртуальность выступает не только как средство, инструмент, но и как продукт со своей стоимостью и рыночной операциональностью.

В этом плане, в зависимости от поставленной цели, в качестве инструмента может выступать и научное сообщество, и финансово-экономическая сфера, и даже теневой сектор, не говоря уже о средствах массовой коммуникации с их лингвосемантическими и нейропсихологическими приёмами. На практике всё это происходит в комбинированном варианте с выходом по нарастающей на цепочку более сложных и утончённых инструментов (так называемый цикл *Supposition Phenomena* – «предположение – предположения – критическая масса предположений»). Модель *highly likely*.

Чем масштабнее нагружается память объекта интерпретированными предположениями, тем больше она будет поставлять его сознанию спонтанную, а значит, не всегда достоверную информацию и, соответственно, влиять на социально-политические предпочтения.

В экспериментальной психологии сферы криминалистики известен такой феномен, когда память свидетеля происшествия под воздействием созданного СМИ информационного мемо-спама о событии воспроизводит искажённую картину, даже отличную от первоначальных показаний.

И ещё одна модель семантического воздействия на избирательный механизм памяти, так называемая технология «буриданова осла». Выборочная функция памяти даёт объективный сбой, если в оппозиционной информационной подаче нужные акценты будут продублированы.

Например, «девочка вчера ударила свою кошку, но она любит животных» и «девочка любит животных, но она вчера ударила свою кошку». Даже троекратный повтор первого варианта уже формирует

негативный фон по отношению к субъекту действия. Здесь в полной мере работает способность *операционального* сегмента памяти к *замещению* (обновлению).

Этому способствует доминирование в среде молодого поколения «пласт-массовой» памяти и клипового мышления, которые упрощают внутреннюю структуру (глубину) памяти, уменьшают объём ассоциативного перебора вариантов и вызывают синдром *сиюминутной рефлексии* на внешние информационные сигналы. При последующей массовой пропаганде и, главное, безальтернативной наполненности информационной среды нужным контентом перекодирование памяти, как основного «поставщика» мемо-материала для самоидентификации личности, приобретает необратимый характер. Поэтому к безобидным на первый взгляд проявлениям маргинальной или андеграудной субкультуры не следует относиться упрощённо. Это тоже часть манипулятивного управления, так называемая технология *neglected memory*, формирующая в пренебрежительно-протестном варианте систему блокировки предыдущего опыта, ценностей и знаний в структуре памяти.

Среди наиболее заметных и опасных точек идеологического противостояния, а по сути, объявленной против нас информационно-пропагандистской войны, стали попытки ряда зарубежных ньюсмейкеров намеренно искажённо преподнести исторические факты и формировать на их основе конфронтационные по характеру исторические концепции.

Проводимый мониторинг и анализ содержания и применяемых PR-технологии этих информационных вбросов определённо свидетельствует об их скоординированной стратегии с чётко выверенной программой и научным обоснованием, а также о существовании мощного политического заказа на создание и тиражирование такого рода мнений.

Ближайшая цель – создать среди молодого поколения своеобразную интеллектуальную моду на «новые, альтернативные, не отретушированные цензорами» точки зрения; *дальнейшая* – сформировать привычку некритического восприятия подобных «фактов» и их интерпретаций как аксиом и внедрить их в массовое мифологическое сознание. О масштабе этой пропагандистской работы можно судить по материалам сайта *wiki.istmat.issso* «Коллекция мифов и фальсификатов относительно российской истории» (включая и советский период), где только одних рубрик насчитывается почти две сотни.

И ещё один пример. Это доклад *Chatham House* «Мифы и заблуждения в дискуссии о России: как они влияют на западную политику и что можно сделать», что, по сути, представляет своеобразную методичку о том, как надо отвечать с позиции западных стереотипов по ключевым вопросам российской пропаганды.

С 2015 г. в Риге действует Центр стратегической коммуникации НАТО (*STRATCOM*), главная цель которого – противодействие российской информационной политике, разработка и реализация информационно-психологических и контрпропагандистских операций в отношении граждан России и в целом русскоязычного населения.

В 2019 г. в рамках принятых конгрессом США законов о противодействии российской пропаганде в ряде американских университетов были открыты программы по подготовке специалистов информационно-сетевого профиля, ориентированные на подрыв международного имиджа России, компрометацию нынешнего «ревизионистского» руководства страны.

На 2020 г. бюджет ЮСАИД на международную гуманитарную помощь составил более 6 млрд долл. (без учёта донорских пожертвований в рамках частно-государственного партнёрства). Значительную часть этих средств планируется направить на пропагандистскую работу, в том числе на совместные с Евросоюзом программы по линии зонтичной платформы *EuroClio*, которая с антироссийских, по сути, позиций реализует глобальный проект внедрения в массовое сознание «альтернативной» истории.

Необходимо быть готовым к тому, что информационно-сетевая и когнитивная война выходит на новый виток противостояния. Требуется консолидированная публичная площадка, формирующая и транслирующая единство гуманитарного понятийного аппарата, разделяемые ценности гражданского общества, научно-академических, образовательных и экспертных кругов. Именно в этом, как я считаю, и есть главная цель данной конференции, которая, надеюсь, станет постоянно действующим форумом.

Анна ПОЛЯКОВА

Социальные сети – инструмент манипулирования общественным мнением в международных конфликтах

С развитием информационных технологий социальные сети претерпели функциональную трансформацию. Большое значение приобрела информационная функция – социальные сети становятся главным источником новостей, превосходя телевидение и печатные ресурсы.

Результаты исследований в 2021 г. показали, что 53% взрослого населения США и 42% населения России узнают новости из социальных сетей. Самыми популярными площадками для американской аудитории стали *Facebook* и *Twitter*, а для россиян – *WhatsApp*, *ВКонтакте* и *Telegram*.

Использование социальных сетей также растёт в геометрической прогрессии.

В январе 2021 г. в мире насчитывалось 4,2 млрд активных пользователей, что на 106% больше, чем в январе 2011 г.

Изменившийся функционал позволяет государственным и негосударственным акторам использовать социальные сети в качестве эффективного инструмента в политике.

Согласно исследованию Оксфордского университета, в 2020 г. 81 страна использовала соцсети для компьютерной пропаганды и распространения дезинформации для манипулирования общественным мнением по всему миру.

Для взаимодействия с внутренней и внешней аудиторией государства развёртывают специальные группы – кибервойска, которые проводят анализ общественных настроений, получают необходимую информацию от пользователей, вбрасывают и распространяют пропагандистские сообще-

ПОЛЯКОВА Анна Александровна – кандидат политических наук, кафедра международного сотрудничества факультета маркетинга и международного сотрудничества ИУРР, РАНХиГС (Москва, Россия). *E-mail:* polyannalex@mail.ru

ния, создают контент для продвижения нужных политических идей. Высоким потенциалом кибервойск, а значит, способностью формировать информационное пространство, обладают Китай, Египет, Иран, Израиль, Мьянма, Россия, Саудовская Аравия, Сирия, Объединённые Арабские Эмираты, Венесуэла, Вьетнам и Соединённые Штаты.

Государства активно используют социальные сети для внутривнутриполитических целей – проведения проправительственных кампаний, дискредитации оппозиции, подавления политического инакомыслия, влияния на выборы.

Например, в 2019 г. во время протестов в Гонконге китайские военные опубликовали в социальной сети *Weibo* видеоролик с «антипротестными» учениями, начинающийся словами: «Все последствия – на ваш страх и риск». В Гонконге это видео было воспринято как явное предупреждение, адресованное участникам протестов.

Китайские кибервойска в социальных сетях также изображали протестующих в Гонконге как жестоких радикалов, не пользующихся популярностью.

Активное вовлечение в виртуальную среду глобальной многомиллионной аудитории делает социальные сети эффективным инструментом и внешней политики.

В 2006–2011 гг. правительство США активно использовало социальные сети для развития протестного движения среди молодежи в странах Северной Африки и Ближнего Востока. В 2010 г. Соединённые Штаты обучали активистов из Алжира, Туниса, Ливии и Марокко распространению в соцсетях информации и воззваний среди граждан своих стран.

Госдепартамент США снабжал диссидентов в Иране, Сирии и других арабских странах особым программным обеспечением, которое позволяло им скрывать интернет-трафик, а также отправлять закодированные сообщения в соцсетях, когда правительство блокировало сайты *YouTube* или *Facebook*.

«Арабская весна» ярко продемонстрировала силу социальных сетей, придав событиям ту скорость и динамику, которая застала врасплох правительства и поддерживающие их силы.

Другим примером активного использования социальных сетей в политических и пропагандистских целях является онлайн-кампания запрещённой в России террористической организации «Исламское государство» (ИГ). Террористы с помощью *Twitter* и *Telegram*, а позже и *Instagram* распространяли фото- и видеоматериалы, новости группировки, нашивов – песнопения с прямым призывом к джихаду.

Наибольшее значение имело не столько качество материалов, сколько их широкое и быстрое распространение в обществе.

Кроме того, соцсети стали главным инструментом для вербовки последователей ИГ по всему миру. Позже завербованные иностранные боевики совершали теракты, чтобы оказать влияние на государства, которые проводили антитеррористические операции.

Так, серия терактов в Париже 13 ноября 2015 г., по заявлениям террористов, стала ответом на участие Франции в бомбардировках позиций ИГ в Сирии и Ираке.

Социальные сети позволяют глобально влиять на любой конфликт, так как от того, как он воспринимается аудиторией, зависит конечный результат противоборства соперничающих сторон.

Израиль находится в числе стран с высоким потенциалом кибервойск и активно использует социальные сети, оказывая информационную поддержку своим военным действиям.

В 2008 г. во время операции «Литой свинец» Тель-Авив использовал соцсети для подавления пропаганды противника и привлечения внимания к позиции Израиля.

В конфликте с Тайванем Китай прибегнул к помощи своих кибервойск для изменения общественного мнения.

В 2019 г. за месяц до переизбрания президента Цай Инвэнь, которого поддерживала правящая на острове Демократическая прогрессивная партия (ДПП), китайские кибервойска распространили в *Facebook* видеоролик якобы от имени ДПП, которое ложно утверждало, что партия поддерживает объединение Китая и Тайваня.

При обострении конфликта в 2021 г. материковый Китай мобилизовал тысячи анонимных учётных записей в социальных сетях, чтобы осудить внутреннюю политику ДПП.

Манипулятивные технологии используются с целью тайного психологического принуждения и включают в себя все возможные средства. Формат изложения информации в социальных сетях тоже способствует манипуляциям. Большие информационные потоки и отсутствие верификации притупляют её критическое восприятие. Кроме того, широкое распространение получают фейковые новости, которые благодаря современным технологиям становятся всё более убедительными. Однако такие фейки могут иметь опасные последствия и не раз приводили к эскалации конфликтов.

В 2019 г. США опубликовали видеозапись, которая якобы подтверждает причастность Ирана к нападению на нефтяные танкеры в Оманском заливе. После выяснения деталей явных доказательств причастности Ирана так и не было обнаружено. Тем не менее инцидент привёл к американо-иранскому обострению, а США усилили военное присутствие в регионе.

Простая в восприятии и обогащённая интерактивными фото- и видеоматериалами информация в соцсетях призвана вызывать те или иные эмоции. Благодаря современным технологиям, которые имитируют реальность, достигается эффект присутствия. Рассказы якобы очевидцев создают иллюзию достоверности, блокируя у пользователей рациональный анализ.

Фото- и видеоматериалы как доказательства тех или иных событий стали неотъемлемым сопровождением войны в Сирии.

Для подтверждения фактов применения правительством Сирии химического оружия использовались материалы, которые вызывали эмоции у общественности.

Так, на видеороликах был показан 11-летний Хассан Диаб с симптомами отравления, который якобы стал жертвой химической атаки. Россия и Сирия приложили огромные усилия, чтобы доказать, что химатаки не было, а фотографии и видео, размещённые в Интернете, были преднамеренно инсценированы. Такие видео использовались для влияния на общественное мнение, тем самым подготавливая почву для оправдания возможной гуманитарной интервенции в Сирию.

В конфликтах активно провоцируется усиление чувства вины у общественности. Шок, вызванный новостями, разрушает все уровни психологической защиты и позволяет внедрять в сознание общества необходимые схемы.

Например, шокирующей и резонансной стала фотография мальчика, якобы спящего между могилами своих погибших в Сирии родителей. Фотография была растиражирована в *Facebook* и *Twitter*. В течение нескольких минут сотни аккаунтов перепостили картинку с обвинениями в адрес правительства Башара Асада. Особенно быстро фото расходилось в радикальных исламских кругах. Позже выяснилось, что фотография была сделана в Саудовской Аравии в рамках арт-проекта фотографа Абдулы Азиза аль-Отаиби и не имеет никакого отношения к сирийскому конфликту.

Негативная информация и фейковые новости зачастую приводят к разжиганию межэтнических, межконфессиональных конфликтов. Более того, такая информация оказывает косвенное влияние на эскалацию насилия, которое возникает, когда люди с радикальными взглядами находят подтверждение своих идей в социальных сетях.

Например, *Facebook* стал инструментом для разжигания межэтнической и межконфессиональной розни между буддистами и мусульманами-рохинджа в Мьянме. В соцсети ультра национальные буддисты распространяли посты на бирманском языке, пронизанные ненавистью к рохинджа и призывающие к оружию против мусульман. Обострившейся конфликт в 2017 г. привёл к гибели нескольких сотен человек, а сотни тысяч мусульман-рохинджа бежали в соседний Бангладеш.

Из-за простоты передачи информации и огромного охвата аудитории соцсети стали не только инструментом манипулирования общественным мнением, но и полем противостояния конфликтующих сторон.

Крупнейшее с 2014 г. обострение палестино-израильского конфликта в 2021 г. получило название интифады *TikTok*. Конфликт сопровождался чередой видеороликов, в которых палестинцы и израильтяне пытались обличить друг друга и склонить общественное мнение на свою сторону.

В частности, палестинская сторона опубликовала в *TikTok* видеоролик, якобы показывающий людей, спасающихся от израильских ударов в Газе, и набравший более 44 млн просмотров. Сторонники Израиля в свою очередь опубликовали пост в *TikTok* с 1,5 млн просмотров, в котором израильский солдат защищает палестинскую женщину от камней, брошенных палестинскими протестующими.

В *TikTok* и *Twitter* также стало вирусным видео, на котором якобы был пожар в мечети Аль-Акса на Храмовой горе Иерусалима. Пользователи обвиняли Израиль в том, что он якобы позволил сжечь мечеть. Благодаря записям того же события с других точек выяснилось, что рядом с мечетью горело дерево и мечеть при этом никак не пострадала.

Социальные сети не несут никакой ответственности перед аудиторией и имеют тенденцию усиливать склонность людей бескомпромиссно делить мир на чёрное и белое. Распространяемые шокирующие видеоролики обычно не сопровождаются осмыслением, а комментарии с эмоционально-оценочной лексикой лишь усугубляют ситуацию. Виртуальные эхо-камеры, в которые попадают пользователи, усиливают социальную и политическую поляризацию. Такие эхо-камеры блокируют альтернативную информацию и предлагают одни и те же повторяющиеся идеи и убеждения, которые подтверждают или радикализируют взгляды на происходящее. И прежде безразличные к проблеме люди становятся заряженными эмоциями и негативной энергией и готовы к демонстрациям и протестам. Конфликты в онлайн-пространстве легко переносятся в реальный мир, и урегулировать сложные противоречия мирным путём становится всё труднее.

Проанализировав влияние социальных сетей на развитие конфликтов, участники Стокгольмского форума по вопросам мира и развития (2021 г.) обратили внимание на возможности их использования в целях миростроительства. Например, социальные сети могут быть полезны на стадии раннего предупреждения конфликта. В социальных сетях можно отследить контент, чтобы понять причины недовольства местного населения. Социальные сети позволяют проследить динамику конфликта, составить список участников конфликта, проследить взаимосвязи между ними и определить источники их поддержки. Кроме того, социальные сети также могут способствовать установлению диалога с участниками конфликта. Миротворцы могут использовать популярные платформы, чтобы разослать контрсообщения и погасить радикальные настроения.

Несмотря на наличие возможностей использовать социальные сети в целях миростроительства, такое их применение пока не реализовало свой потенциал. Принимая во внимание примеры широкого использования соцсетей для манипулирования общественным мнением в конфликтах, очевидно, что использование этих площадок для достижения разных политических целей будет интенсифицироваться. Государственные и негосударственные акторы будут изобретать новые технологии манипулирования общественным мнением и методы своего участия в информационных войнах, так как в современном постиндустриальном мире знаний война идёт прежде всего за умы и сердца людей.

Виктория СУХАРЕВА

Социальные сети – инструмент политической манипуляции: алгоритмы, формы, смыслы, аудитория

Проблема анализа влияния социальных сетей на общество в современных научных дискуссиях чрезвычайно болезненна. На этом вопросе сталкиваются, с одной стороны, культурологи и коммуникативисты, высоко оценивающие роль социальных сетей в жизни современного общества (создание иной коммуникативной реальности, мегаглобальная деревня и пр.), а с другой – политологи и эксперты по манипулятивным технологиям, которые рассматривают социальные сети как угрозу национальной безопасности государства.

В сфере международных отношений социальные сети рассматриваются как «неконтролируемый канал проникновения в информационное поле чужой страны», ставящий под угрозу информационную безопасность государства. И когда встречаются эти два подхода на одном предметном поле, начинается настоящая война: одних обвиняют в беспечности и предательстве национальных интересов, а других – в паранойе и тоталитарном подходе к гражданским свободам.

Да, социальные сети – это иная коммуникативная реальность, которая стремительно развивается и прирастает новыми форматами (например, *ClubHouse*). И да, социальные сети виртуозно работают с ментальностью аудитории и давно стали инструментом политической, культурной и социальной манипуляций. Причём не лобовой, агитационной (хотя это тоже присутствует, например, в политической манипуляции на финальных стадиях, когда надо аккумулировать протестный потенциал и направить его в фактический выход на улицу), а латентной, хорошо замаскированной под спонтанность волеизъявления и свободу выбора.

Можно выделить две основные стратегии работы социальных сетей по мобилизации населения.

СУХАРЕВА Виктория Александровна – кандидат философских наук, доцент кафедры международного сотрудничества факультета маркетинга и международного сотрудничества ИУРР, РАНХиГС (Москва, Россия). *E-mail:* radiovms@gmail.com

«Длинная» схема работы социальных сетей. Старт манипулятивных ресурсов обычно нейтрален. Где-то за полгода до начала активной пропагандистской работы создаётся некая площадка, которая начинает заниматься сбором острых новостей вне повестки официальных СМИ, привлекая таким образом аудиторию.

Темы новостей: проблемы уязвимых слоёв населения (малоимущие, пенсионеры, женщины, инвалиды и пр.), коррупция во власти и в силовых структурах, проблемы экологии, чиновничий беспредел, богатство власть имущих и бедность населения и пр. Канал должен «лечь на слух».

Как только аудитории становится много, канал выходит из тени и начинается прямая агитация преимущественно длинными форматами: лонгридами, развёрнутыми информационными текстами, видеорасследованиями, фоторепортажами и пр. Постепенно с помощью различных мультимедийных средств начинает оформляться протестное движение: подбирается символ протеста и специальная лексика, цветовые решения, визуальный ряд (фото, мемы и пр.), видео, музыка и песни, образы, набор художественных (литературных/кино/анимационных) персонажей, скоррелированных с целью или эмоциональным фоном протеста и пр.

Причём подбор этих элементов происходит с учётом особенностей ментальности целевой аудитории, её психологических триггеров. Это хорошо видно при потоковом, максимально отстранённом просмотре контента разных каналов: принцип повторения ключевых семантических единиц, «страшилок-триггеров», формулировок призывов, вирусных образов протеста, визуального и аудиального ряда, собираемых как бы мозаично, но на самом деле абсолютно системно.

Из относительно свежих примеров можно привести организацию протестного движения в Белоруссии в 2020 г. на базе телеграмм-каналов *Nexta*, *Nexta Live*, Беларусь головного мозга.

Образ А. Лукашенко-таракана, которого надо прихлопнуть тапкой (ключевое слово «таракан», а в руках протестующих – тапка), белые цвета в одежде и белые цветы как символ протеста, характерное музыкальное оформление с национальным подтекстом и пр.

Отдельно хотелось бы отметить образ золотого унитаза в самолёте Лукашенко, на котором он якобы улетел в разгар эпидемии в тёплые страны пересидеть ковид. (Тема сантехнических принадлежностей из золота почему-то является универсальным триггером общественного недовольства в странах бывшего соцлагеря: эта тема проходила через протесты на Украине, в Белоруссии и России. Можно вспомнить золотой батон Януковича, золотой ёршик для унитаза во дворце Путина и пр.)

Принципиально другая – быстрая схема мобилизации населения была презентована на примере событий в России (январь 2021 г.) с использованием площадки *TikTok*. В течение трёх дней в сеть было выброшено несколько десятков агитационных роликов хронометражем до 1 мин, посвящённых А. Навальному, с призывами выходить на улицу и пр., которые были растиражированы алгоритмами *TikTok* и превратились в водопадную, неуправляемую информационную волну.

Сюжеты роликов можно собрать в несколько тематических блоков.

Тематические блоки:

1. Ролики «Навальный летит домой в самолёте». Рядом с ним красавица жена, которая произносит фразой-мем из культового для России фильма «Брат-2»: «Мальчик, водочки нам принеси. Мы домой летим». Дальше фотовидеоподборка из семейных и политических архивов Навального, на которую накладываются фразы: «Если любовь – то такая», «Настоящая любовь», «Любовь, за которую умереть не страшно». Финал – Навальный, целующий жену в последние минуты перед арестом. Целевая аудитория – женская.

2. Ролики на тему «Я не боюсь», «Мне не страшно». Целевая аудитория – дети и подростки.

3. Ролики, запускающие челлендж: «Сними портрет В. Путина в школе, повесть портрет А. Навального», «Выкини/порви свой российский паспорт», сопровождаемые словами: «Вот так не надо. Надо вот так!» Целевая аудитория – дети и подростки.

4. Ролики-инструкции как надо вести себя на митингах: что надеть, где хранить документы, что делать при задержании и пр. Целевая аудитория – широкая.

5. Ролики-нарезки из культовых фильмов, таких как: «Брат-2» («Мальчик, водочки нам принеси, мы домой летим»), «Гарри Поттер» (фрагмент с защитой Хогвартса и фразой «Мы должны его защитить»). Тема защиты Родины, близких, чего-то дорогого проходит красной линией через все ролики в поддержку Навального. Впрочем, как и фразы: «Никто, кроме тебя» или «Кто, если не ты». Целевая аудитория – дети и подростки.

6. Ролики, построенные на игре цвета и противопоставлении (в люминесцентном мигании вместо фигуры В. Путина появляется фигура А. Навального). Целевая аудитория – дети и подростки.

7. Были ещё ролики со срыванием погон «сотрудниками МВД» и прочих способов стимуляции гражданской активности по схеме «армия с нами», просто и доступно описанных Дж. Шарпом в хрестоматийной книге про перевороты новейшего времени.

8. Музыкальное оформление роликов играет важную роль в манипуляции. Визуальным рядом может быть что угодно: нарезка из политической фотогалереи Навального, или фото некоего силового беспредела, или фото серой российской действительности. Картинка не самое главное, главным мотиватором становятся фразы из одних и тех же песен, которые звучат как набор мантр фоном на всех роликах: «Марать руки приготовься, / Тут будни таракана» (опять появляется образ таракана); «Пусть всё горит, пусть всё горит, / На меня смотрит вся Россия»; «Я теперь готова ко всему на свете, / Я отсидела свой срок в Интернете»; «Быть против власти – не значит быть против Родины. / Я люблю Россию за запах чёрной смородины». Целевая аудитория – дети, подростки.

Музыку протестов исполняли: группа *PALC* («Тараканы»); группа *IC3PEAK* («Смерти больше нет»); рэпер *FACE* («Лабиринт»).

Также использовались традиционные для протестного движения на постсоветском пространстве песни В. Цоя «Перемен» и группы «Тату» «Нас не догонят».

Все эти тексты, всплывающие каждую новую минуту, сменяющие друг друга в ротации, создавали необходимый зомбирующий эффект.

Приёмы, которые были использованы в *TikTok*, в общем-то были типовыми: музыка, использование образов массовой культуры, адресное обращение, психологическое давление через призывы и пр.

Принципиальным отличием стало следующее:

1. Особенности формата и алгоритмов *TikTok* (хронометраж роликов, облегчённость восприятия, свобода самовыражения, отсутствие длинных поясняющих текстовых форматов и пр.) показали, что можно завести аудиторию не длинным повествованием, а вбросами кратких тезисов, выстроенных

по принципу свободных ассоциаций. Никто никого не агитирует в открытую. Но за счёт закольцованности и плотной ротации контента и ограниченного набора тезисов идёт формирование однозначной сильной эмоции, которая усиливается массовым инстинктом и работает безотказно.

2. Клиповость + эффект 25-го кадра + каскадность роликов не оставляет пространства для критического мышления и воздействует на все группы аудитории. Не только на молодёжь и подростков, даже если она к ней обращена. Аудитория *TikTok*, по данным *Mediascope* в январе 2021 г.: 12–17 лет – 17%, 25–34 – 25,2%, 35–44 – 19,6%.

3. Эффект челленджа. «Я смог, а ты?» подключает к участию в информационной волне молодёжь, воспитанную на культуре челленджа. И пусть многие не взаправду в этом участвуют, пока это крутит лайки, это – допустимо. Но это создаёт видимость массовости протеста. А это то, что нужно.

4. И главное – *TikTok* показал, что не надо полгода ждать и готовить аудиторию, чтобы её зарядить. Время работает против длинных схем. Люди перегорают. События в Белоруссии в 2020 г. это показали. Нужно использовать технологии продюсирования эмоционального состояния по схеме: «Короче, проще, чаще» (кстати, это принцип работы музыкального радио).

Государственные структуры оказались не готовы к контрманипуляции. В противовес кампании в поддержку А. Навального были выдвинуты инфлюенсеры (которые развязали войну блогеров), армия троллей и ролики с набором страшилок. Контент с Навальным начали запрещать. По официальным информационным каналам пошла массированная пропагандистская бомбардировка, которая лишней раз показала отсутствие понимания принципов работы социальных сетей и только усугубила ситуацию. Кампания в *TikTok* подняла аудиторию 12–25 лет. А государство начало «бомбить» аудиторию 40+.

В первые месяцы при набивании в поисковиках Яндекс и *Google* запроса «Навальный – музыка», «Навальный *TikTok*» выпадало всё многообразие уже масскультового переработанного продукта на тему митингов: мемы, песни, ролики, специально смонтированные подборки и пр. Фактически кампания получила пролонгированный эффект за счёт ставшего вирусным контента.

Сегодня многое из этого принудительно убрано. И найти примеры той кампании даже в научных целях достаточно сложно. Но технологии, применённые в январе 2021 г., показали себя эффективно. И, безусловно, легли в арсенал манипуляции общественным мнением.

Галина ГРАДОСЕЛЬСКАЯ

Картирование протестной активности в социальных сетях

Прикладные исследования федеральной
и региональной оппозиции

Структура политической активности в социальных сетях: методологические проблемы и содержательная значимость. Социальные сети являются уникальной инфраструктурой, опосредующей социально-политическую активность. Возможности социальных медиа всё более расширяются и помимо манипулирования информацией переходят к прямому социальному проектированию, провоцированию социальных действий. Картирование связей акторов и групп позволяет сделать социальные процессы наглядными, а наблюдение их в динамике позволяет зафиксировать соответствующие тенденции. Картирование процессов в социальных сетях развивается в рамках новой отрасли знания – сетевого анализа и является первым базовым этапом исследований в социальных сетях, позволяющим делать содержательные выводы. Без него невозможно перейти к следующим двум этапам анализа информационных процессов: моделированию информационных волн (распространению информации) и анализу распространяемого контента (текстов).

Помимо содержательных вопросов крайне острой является проблема разработки методологии, алгоритма и программного инструментария, позволяющая быстро собирать информацию о социально-политических процессах, протекающих в социальных сетях.

Исследование распространения информации в социальных сетях затрудняет двойственная природа социальных сетей, которые, с одной стороны, держатся на физических носителях – акторах, группах, а с другой – акторы связаны информационными потоками, более или менее плотными. Двойственность природы социальных сетей предполагает детальное рассмотрение обеих компонент – акторов и информационных связей. Распространение информации в социальных сетях – один из базовых процессов, требующих изучения в современных социально-политических реалиях.

ГРАДОСЕЛЬСКАЯ Галина Витальевна – кандидат социологических наук, преподаватель ИОН, РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: mss981009@mail.ru

Сетевое поведение, во-первых, отражает объективные социальные установки, складывающиеся на протяжении значительного отрезка времени, а во-вторых, сетевая активность в значительной степени является ситуативной реакцией на информационные события и сама становится частью информационного манипулирования. В-третьих, сетевые взаимодействия становятся механизмом, консолидирующим группы граждан по сходству социально-политических установок.

Метод зерновой кластеризации при картировании социальных сетей. Картирование политических ресурсов в Интернете имеет весьма долгую традицию и широкий спектр приложения к разным технологическим платформам: электронная почта, чаты, блоги, соцсети (*Facebook, Twitter*).

Можно перечислить некоторые известные исследования по картированию политических сетей Л. Адамик [1], Б. Эйтлинга, Дж. Келли [2]. Последние два исследования проводились на базе Института Беркмана в российской блогосфере, т. е. иностранное внимание к российскому информационному пространству очевидно, но сложно назвать подобные масштабные исследования, выполненные с применением инструментария сетевого анализа (кроме наших) со стороны российских исследовательских структур.

Основной «точкой входа» в социально-политическое пространство социальных сетей является группа. Однозначная привязка к политическим группам как раз соответствует политической самоидентификации индивидуальных акторов. Интересен уникальный метод зерновой кластеризации, позволяющий с небольшими техническими затратами максимально полно отразить текущую картину политической активности в социальных сетях.

При этом подход, сочетающий поисковые алгоритмы и графовые методы кластеризации при картировании социальных сетей, весьма перспективен.

Он зафиксирован в авторском методе зерновой кластеризации, описанном в статьях Г. В. Градосельской [3].

Для метода зерновой кластеризации разработано собственное программное обеспечение, реализующее соответствующий алгоритм. Он позволяет автоматически обоснованно отобрать группы (и, соответственно, персоны), участвующие в политических практиках, показать их в виде графов, провести расчёты стандартных сетевых характеристик (центральностей, эквивалентностей).

За период с 2013 по 2021 г. было проведено более 20 исследований по картированию политической активности разного уровня – федерального и регионального. Визуализация сетей проводится в виде графов с расчётом основных сетевых показателей. Особенно интересно наблюдать результаты картирования политической активности в динамике. На основании накопленных данных была разработана типологизация участников политических сетей и предложена содержательная интерпретация наблюдаемых политических процессов.

¹ Adamic L., Glance N. The Political Blogosphere and the 2004 U.S. Election: Divided They Blog // URL: <http://www-personal.umich.edu/~ladamic/projects/>

² Eitling B., Alexanyan K., Kelly J., Faris R., Palfrey J., Gasser U. Public Discourse in the Russian Blogosphere: Mapping RuNet Politics and Mobilization // Berkman Center Research Publication. 2010. № 11. October 19.

³ Градосельская Г. В., Щеглова Т. Е., Карпов И. А. Картирование политически активных групп в Фейсбуке: динамика 2013–2018 гг. // Вопросы кибербезопасности. 2019. № 4. С. 94–104.

Самый главный результат многолетних наблюдений за социальными сетями состоит в том, что структуры политической активности имеют природу взаимосвязанных кластеров. Некоторые из этих кластеров образуются естественным путём, некоторые имеют следы явного искусственного влияния, а в некоторых случаях – прямого проектирования.

Необходимо отметить, что наличие полностью искусственных кластеров возможно, но неэффективно с прикладной точки зрения. Поэтому подавляющее большинство кластеров в социальных сетях базируется (или умело используется) на естественных социально-политических процессах. Используемые манипулятивные приёмы являются надстройкой, корректирующей базовое поведение пользователей социальных сетей в интересах акторов и «групп влияния».

Результаты картирования: федеральный уровень. Картирование групп федеральной оппозиции в социальных сетях *Facebook* и *ВКонтакте* с 2013 по 2021 г. позволило уловить изменение стратегии воздействия оппозиции, выявить социальные группы и основные ресурсы влияния.

Исследование политической активности в русскоязычном сегменте социальной сети *Facebook* в 2013 г. выявило три основных кластера: оппозиционный, проправительственный и националистический. В половине всех групп были обнаружены разного рода манипулятивные практики: искусственные группы, информационные волны и пр. Больше всего искусственных групп на тот момент приходилось на проправительственный кластер, меньше всего – на националистический. Оппозиционный кластер умело использовал искусственные приёмы манипулирования политическими процессами, имеющими в своей основе естественные причины.

Например, происходит процесс канализации бытового недовольства (ценами на ЖКХ, строительными проектами, призывом в армию и пр.) в политическую плоскость.

В 2021 г. наиболее интересными содержательными результатами федерального картирования стали продвинутые манипулятивные модели воздействия на целевые аудитории, заигрывание с сектами (в том числе мусульманскими), антиклерикальное и либертарианское движения и пр. Явным негативным трендом является реабилитация фашизма как идеологии и популяризация соответствующих авторов в интеллектуальной среде. В общей структуре также произошли значительные изменения: под воздействием событий на Украине 2014 г. произошло разделение националистического кластера и его частичное смыкание с украинскими националистами. Также происходит перераспределение протестной активности из Москвы в регионы и выделяются значимые региональные центры протеста.

Результаты картирования: региональный уровень. Было проведено картирование оппозиционных московских групп. Исследование охватывает период с 2013 по 2018 г. в социальной сети *Facebook*. При этом проведена визуализация как самих политических групп, так и сети администраторов, которые являются консолидирующим элементом, обеспечивающим координацию сети:

- выделены типы групп, воздействующих на собственные целевые аудитории: учителей, врачей, автомобилистов и т. п.;

- показано, как они канализируют бытовое недовольство в политическом направлении – против московских властей с последующим встраиванием активистов в долгосрочные проекты федеральной оппозиции, в том числе и радикальные.

Несмотря на то что целевые аудитории оппозиции меняются в зависимости от региона и временного периода, можно выявить две основные аудитории, которые постоянно находятся в фокусе манипулятивного воздействия, – это молодёжь и интеллигенция.

Иллюстрацией работы с этими целевыми группами стало картирование городских и политических групп в Томске в 2019–2021 гг. и определение двух социально-дифференцирующих стратегий поведения томской молодёжи. У них разные повседневные практики, ценности, референтные группы и информационные источники, системы самостигматизации. «Низкие» социально-культурные практики соответствуют социальной группе, которую можно охарактеризовать как «группа без будущего», с негативной идентичностью. Кардинально отличаются от них практики социальной группы, нацеленной на получение высшего образования и выстраивание карьеры. Условно эту группу молодёжи можно обозначить как «продвинутая», «перспективная» социальная. Её представители ориентируются на зарубежные источники, организации и образцы поведения.

Интересным частным случаем регионального картирования, которое позволило уловить общефедеральные тенденции политических манипуляций в национальных республиках Российской Федерации, стала Карачаево-Черкесская Республика (2017 г.). Картирование проводилось по пяти социальным сетям: *Facebook*, *ВКонтакте*, *Instagram*, *Одноклассники*, *Живой журнал*. В исследовании *Facebook* было показано влияние турецкого информационного кластера, координирующая роль западных экспертных центров и манипулятивные механизмы конструирования информационного пространства, направленные на другие национальные республики Северо-Кавказского региона и Ставрополя. Также подобные практики были обнаружены и в других национальных регионах России, например, Башкирии, Якутии и пр.

Можно сделать вывод об эффективности картирования политического поведения в социальных сетях как исследовательского инструмента и основы содержательных выводов.

Этот метод можно использовать в поисковых исследованиях, когда нет особых предварительных гипотез и желательно получить хоть какие-то предварительные сведения о политических процессах, протекающих в информационном пространстве региона.

Метод картирования может применяться и для наблюдения за политическими процессами региона в динамике.

Помимо содержательного исследования социальных процессов метод зернового картирования имеет большой потенциал методологического и инструментального развития.

Как объективный метод регистрации социальных процессов картирование социальных сетей может быть основой междисциплинарного исследования для социологов, политологов, лингвистов, журналистов и многих других гуманитарных и технических отраслей знания.

Галина АНТОНЕЦ

Социальные сети: особенности правового регулирования

До февраля 2021 г. в российском законодательстве отсутствовало такое понятие, как «социальные сети». Но несмотря на это, правовое регулирование деятельности как пользователей, так и владельцев социальных сетей достаточно успешно обеспечивалось действующими нормами права.

«Закон о социальных сетях» – так называли новую ст. 10.6 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», которая была внесена Законом от 30 декабря 2020 г. № 530-ФЗ и вступила в силу с 1 февраля 2021 г.

Под новое понятие попадают традиционные соцсети, такие как: *Facebook*, *ВКонтакте*, *Одноклассники*, *Instagram*, *Яндекс.Дзен*, *МойМир*.

Сюда же относятся сайты с объявлениями типа *Avito* и *Юла*, а также *YouTube* и *TikTok*, и некоторые мессенджеры, например *Telegram*, соответствуют признакам соцсети, так как там можно создавать свои каналы (страницы).

Сама ст. 10.6. Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», дающая понятие, что такое социальная сеть, достаточно большая, но мы можем из неё вытащить основное и нужное для нас.

Итак, социальная сеть – это:

- сайт;
- и (или) страница сайта в сети Интернет;
- и (или) информационной системы;
- и (или) программы для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются их пользователями для предоставления и (или) распространения посредством созданных ими персональных страниц информации на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, на-

АНТОНЕЦ Галина Ивановна – медиаюрист межрегионального центра правовой помощи «Репутация» (Москва, Россия). E-mail: ga9828@gmail.com

одящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более пятисот тысяч пользователей сети Интернет, находящихся на территории Российской Федерации (владелец социальной сети), обязан соблюдать требования законодательства Российской Федерации.

Закон даёт чёткую привязку к территории и языку, на котором общаются пользователи.

Это означает, что, независимо от того, где (в какой стране) осуществляет свою деятельность владелец соцсети, если его пользователи – граждане Российской Федерации, он должен выполнять требования российского законодательства.

Права пользователей социальных сетей. Владелец соцсети обязан разработать правила, которые не должны противоречить закону.

В правилах подробно отразятся следующие права пользователей:

1. Право на получение информации. Каждый пользователь должен быть проинформирован об изменении правил.
2. Право на получение ответа. На каждый запрос пользователя по новому закону админы должны отвечать не позднее 30 календарных дней.
3. Право на информированный бан. Если пользователя блокируют, то с обязательным уведомлением о причинах блокировки.
4. Право оспорить блокировку. Каждый заблокированный пользователь может оспорить её, написав владельцу соцсети. В течение трёх дней с момента получения жалобы администрация должна её рассмотреть и дать пользователю ответ по существу.

Если пользователя ответ не устроит, то он вправе обратиться в Роскомнадзор с заявлением об отмене блокировки, который в свою очередь может направить владельцу соцсети требование о восстановлении доступа к странице.

Обратите внимание! Блокировку можно оспорить только в случае распространения запрещённой информации, перечисленной в законе. Но если пользователя блокируют за нарушение других правил, например, за нарушение авторских прав или спам, то – увы!

Обязанности владельца социальных сетей. Новый закон возлагает на соцсети множество новых требований, часть из них выполнялась раньше добровольно. Сейчас же это обязанности, за неисполнение или нарушение которых предусмотрены огромные штрафы.

Владелец соцсети обязан:

- не допускать использования соцсети для распространения запрещённой информации;
- не допускать нецензурной брани, мат в соцсетях запрещён;
- не допускать распространения порочащих граждан сведений;
- соблюдать права и законные интересы граждан и организаций, в том числе честь, достоинство и деловую репутацию граждан, деловую репутацию организаций;
- соблюдать ограничения предвыборного законодательства;
- размещать специальную форму обращений пользователей для жалоб на контент;
- ежегодно размещать отчёт о результатах рассмотрения обращений пользователей;
- осуществлять мониторинг социальной сети для выявления запрещённой информации.

Информация, запрещённая для размещения в соцсетях. Под запретом к размещению в соцсетях находится:

- информация, способная вызвать у детей желание употреблять наркотические средства, психотропные и (или) одурманивающие вещества, табачные изделия, алкогольную и спиртосодержащую продукцию, принимать участие в азартных играх, заниматься проституцией, бродяжничеством или попрошайничеством;

- реклама азартных игр (игр, основанных на риске, пари). Все онлайн-казино вне закона;

- рекламные акции алкогольных и табачных компаний, особенно содержащие скрытую рекламу и латентное привлечение к товару;

- реклама нагревателей табака;

- марки спиртных напитков, фото бутылок с алкоголем.

Статья 13.41 КоАП РФ гласит, что неудаление владельцем сайта или владельцем информационного ресурса в информационно-телекоммуникационной сети Интернет информации или интернет-страницы в случае, если обязанность по удалению такой информации, интернет-страницы предусмотрена законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, за исключением отдельных случаев, предусмотренных ч. 4 настоящей статьи, влечёт наложение административного штрафа на граждан в размере от 50 тыс. до 100 тыс. руб.; на должностных лиц – от 200 тыс. до 400 тыс. руб.; на юридических лиц – от 800 тыс. до 4 млн руб.

Какие темы чаще всего попадают под нарушение закона как СМИ, так пользователями социальных сетей и самими социальными сетями? Это:

- экстремизм (разжигание розни, нацистская атрибутика символика, оскорбление чувств верующих и т. д.);

- нарушение законодательства о рекламе;

- фейки всех видов;

- информация о вакцинации, коронавирусе;

- клевета, оскорбление, недостоверная информация;

- тиражирование персональных данных, вмешательство в частную жизнь;

- нарушение авторского права, права на изображение/фотографию.

За каждое нарушение можно не только привлечь к ответственности, но ещё и ощутимо наказать финансово.

Кто отвечает за контент в аккаунте? Владелец аккаунта отвечает только за тот контент, который он размещает сам. За комментарии пользователей ответственности не несёт. Каждый сам за себя, если говорить проще. Нередко правила самих социальных сетей и их требования к содержанию информации намного жёстче, чем российское законодательство.

Евгения СТУЛОВА

Диалог в эпоху эпидемий: приёмы коммуникации в условиях новой информационной реальности

Какими были политические коммуникации в 2021 г.? Сейчас, когда выборный цикл 2021 г. завершён, можно сделать выводы, какие тренды мы увидели, какие важные вещи нужно учитывать, говоря про общение политика с избирателем в постковидную эпоху, какие приёмы коммуникации политика с населением сегодня работают, а какие – нет.

Итак, мы находимся в точке, которую можно условно назвать эрой истероидов. Эти термины (эпилептоиды и истероиды) известны из психологии и психиатрии. Но потребление информации сегодня избирателями, электоратом, обществом происходит по истероидному принципу, т. е. по тем принципам, которые ещё Элфин Тоффлер или Фёдор Гиренок в своих книгах называли клиповым мышлением или клиповым сознанием, когда потребитель, одуревший от потока информации, воспринимает её исключительно в виде лобового удара.

Истероидное потребление аналогично расстройству пищевого поведения. Можно сказать, что истероид потребляет информацию как быстрые углеводы или еду с усилителями вкуса, т. е. речь идёт об информационном фаст-фуде: быстро, вкусно, вредно.

Тренды эпохи ковида:

- утрата навыка обработки больших массивов информации, сокращение времени на чтение;

- кризис экспертизы – лидерами мнений нередко становятся люди, не являющиеся специалистами в какой-либо области, но умеющие описать проблемы языком, понятным современному потребителю информации и обладающие широкой аудиторией;

- использование визуальных приёмов донесения сообщения – например, демотиваторов (короткая подпись, цепляющая картинка);

- отсутствие доверия к верифицированным источникам информации (подчас они подают её более скучно, используя цифры и факты, а это действует на обладателя клипового мышления угнетающе);

СТУЛОВА Евгения Владимировна – член комитета по политтехнологиям РАСО (Москва, Россия). E-mail: es2302@yandex.ru

– эмоции *vs* факты. Эмоции выигрывают, а фактчекинг, к сожалению, сегодня практически умер.

В эру истероидов эмоции становятся новой валютой, они отлично продаются и покупаются.

Примеров масса – начиная от Греты Тунберг, которая построила всю свою деятельность на эмоциональной подаче проблемы, заканчивая волнениями в США (*BLM*), когда при помощи эмоциональной картинки была фактически сконструирована альтернативная реальность, в которой потонули факты.

Итак, сегодня потребитель информации – это зачастую обладатель клипового мышления, человек, для которого эмоционально поданная информация более значима, чем факты.

Коммуникация с избирателем. Можно принять за рабочую гипотезу, что избиратель 2021 г. – это человек, находящийся в подростковом кризисе и реагирующий на вызовы времени как подросток, который:

- фрустрирован, разочарован;
- недоверчив;
- утратил навык ожидания: хочет получать ответы здесь и сейчас;
- выбирает себе авторитеты сам;
- хочет, чтобы его одновременно оставили в покое и задавали чёткие рамки – без этого реальность его расплывается.

Это абсолютно практическая история. Когда идёт работа с политиками, то их настраивают на то, что взаимодействие с людьми, к сожалению, сейчас похоже на взаимодействие родителей с подростками. А любой подросток контраверсивен в своих желаниях, им нужны одновременно и свобода, и правила.

Работать с избирателями в эпоху пандемии достаточно сложно. Это видно по реакции общества на законопроекты о введении *QR*-кодов для посещения общественных мест. Общество оказывается разделено и объято противоречиями, и это видно во многих регионах. Это рассогласование определяет коммуникацию политика с населением. Власть раньше часто разговаривала с людьми из позиции «взрослый – ребенок» – требовала выполнять какие-то меры, не объясняя зачем.

Скорость реагирования. Важно отметить, что люди утратили навык ожидания и рефлексии. С появлением гаджетов и распространением Интернета люди привыкли быстро получать ответы и доступ к любой информации. Изменились даже общие психологические подходы к воспитанию детей: родители закладывают это утрачивание навыка ожидания и рефлексии с самого раннего детства. Если раньше терпеливо ждали, когда же наступит вечер и будет вечерняя сказка, то теперь дети больше ничего не ждут.

Как это соотносится с политикой?

Раньше ожидание ответа от городской администрации или из приёмной губернатора занимало некое положенное по закону время. Человек терпеливо ждал письма около месяца, сейчас житель пишет губернатору в *Instagram* и рассчитывает получить ответ в течение 30 минут.

Существует государственная политика по созданию центров управления регионом (ЦУР), которые уже стали эффективным инструментом реагирования.

Система «Инцидент Менеджмент» оперативно реагирует на запросы населения и не позволяет разрастись какой-то мелочи в крупный скандал на федеральном уровне. Это тоже приучает население к тому, что ответы должны предоставляться в короткий срок.

При этом скорость ответа на запрос не влияет на реальное решение проблемы.

Образ политика. Образ политика на выборах должен соответствовать тому, что ожидает избиратель. Учитывая «подростковость» избирателя, существуют два потенциально привлекательных образа.

Первый – образ матери, которая должна быть эмпатичной и заботливой, принимать подростка таким, какой он есть.

Но более эффективный *второй* вариант – образ тренера.

В фильме «Джентльмены» тренер работает со сложными подростками, в его отношении к ним нет никакой эмпатии, но есть принятие и строгость. Тренер готов дать ресурс и знания, но он не на одном уровне с подростком. Поэтому его уважают, к нему прислушиваются. Этот образ будет очень востребован в ближайшее время, потому что, скорее всего, с избирателем придётся разговаривать именно так.

Пока мир боролся с коронавирусом, власть разговаривала с избирателями, как с детьми. Это перестало работать, об этом говорят исследования и практическая работа на земле. Ребенок давно вырос и стал подростком.

Вызовы времени:

– общая невротизация населения – огромный вызов эпохи коронавируса. И пока никто не придумал, как её снизить;

– утрата доверия к лидерам общественного мнения. Раньше ими становились эксперты, которые более компетентны в своих сферах, чем их аудитория. Теперь видно совершенно хаотичное формирование лидеров общественного мнения (например, актриса Мария Шукшина за несколько недель взлетела в *Telegram* на количество подписчиков, примерно равное теле- и радиоведущему Владимиру Соловьёву);

– утрата навыка терпения и ожидания – огромный вызов, который придётся преодолевать.

Чтобы быть успешным на полях информационных войн, которые происходят на всём этом фоне, политикам приходится помнить о битвах за факты, за интерпретацию и за каналы доставки. Если политик попадает в ситуацию информационной войны, информационного кризиса или какой-то репутационной угрозы, ему приходится участвовать сразу в трёх битвах: необходимо предоставить свои факты, их интерпретацию и создать свои каналы доставки.

Сериальное планирование повестки. Почему у региональных политиков преобладает реактивная, а не проактивная стратегия в коммуникациях? Как правило, политики этим грешат просто потому, что кроме коммуника-

ций у них много других задач. И о коммуникациях они вспоминают, когда на них валятся неприятности. К сожалению или к счастью, сейчас невозможно выжить в политике без сериального планирования информационной повестки.

Мало кто запомнит, что в городе открылась новая школа. Люди, как правило, вообще слабо воспринимают позитив, который исходит от власти. Единичное открытие школы не работает, нужно создать сериал из позитивных новостей на одну тему. Тогда рано или поздно они попадут в сознание, пусть и с пятнадцатой попытки.

Исследование по итогам 2021 г. Следует отдельно остановиться на исследовании, которое провёл комитет по политтехнологиям Российской ассоциации по связям с общественностью в *Messenger* (РАСО), основанном на опыте политтехнологов, которые вели в этом году практическую работу. Так что выводы весьма актуальны.

Что же было важно в этом электоральном сезоне?

Согласно исследованию, по-прежнему для победы важны элитные договорённости и финансы, это достаточно очевидно. Но третье место по значимости занимает месседж-политика. Кандидаты научились работать в соцсетях и использовать их современный инструментарий. Но оказалось, что в 2021 г. было важнее не где ты что-то скажешь, а что именно ты скажешь. Смыслы оказались важнее. При этом на последнем месте – поддержка лидеров общественного мнения (ЛОМов). Это печальная история, для людей не осталось авторитетов.

Что касается инструментария, то в прошедшем году популярность набрали мессенджеры, но работают они на определённые аудитории. А вот вечной мантры о смерти телевидения повторять не стоит. Федеральные телеканалы могут стать важной площадкой для кандидата.

Как пример можно привести Сардану Авксентьеву, которая активно участвовала в дебатах и телевизионных программах. По итогам постэлекторальных фокус-групп стало ясно, что это действительно сработало.

Наименее полезным инструментом эксперты назвали деловые СМИ.

Почему они на последнем месте? Потому что *telegram*-каналы перехватили повестку деловых СМИ. Аудитория *telegram*-каналов – это элитная аудитория, такая же, как у деловых СМИ. Важно добавить, что медиапотребление быстро меняется: *YouTube* больше не смотрят, его часто слушают, не глядя на картинку. Так что можно сказать, что *YouTube* заменил радио.

Но телевизор до сих пор не заменил никто, потому что те же партии не смогли выйти в *YouTube* так, чтобы создать интересный продукт, равный телевизионным ток-шоу по просмотрам, т. е. исход выборов всё-таки решили телевизор и *Telegram*.

Во всех партиях в прошедшем сезоне понимали, что важно достучаться до молодёжной аудитории, до тех, кто голосует впервые, и до тех молодых людей, кто на выборы привык не ходить. Политики представляли своих из-

бирателей как «игреков». Но партии, даже появившиеся недавно, имеют сложную управленческую структуру. В итоге партии руками «иксов» делали проект для «игреков» по заказу бумеров. Получался такой очень интересный эффект, а точнее, его отсутствие.

Поколения избирателей разные, у них разное понимание коммуникации. Политикам в 2022 г. будет важно понимать, с кем они разговаривают, и говорить следует на языке избирателя.

Валерия ВЛАДИСЛАВСКАЯ

Социальные сети: битва министерств иностранных дел

В декабре 2019 г. дипломатия стала по-настоящему цифровой. Это связано со вспышкой и распространением коронавируса SARS-CoV-2. В считанные дни в условиях пандемии большая часть дипломатической активности переместилась в онлайн и социальные сети. Главы стран и внешнеполитических ведомств встретились друг с другом на экранах своих мониторов. Двусторонние и многосторонние встречи теперь проводятся с помощью приложений для теле- или видеоконференцсвязи.

В 2021 г. многие такие мероприятия проводились полностью или частично виртуально, например, 26-я конференция сторон рамочной конвенции ООН об изменении климата, 76-я Генеральная Ассамблея ООН и т. д.

Одно из главных преимуществ виртуального участия во встречах, организовываемых министерствами иностранных дел, – гибкий рабочий график. Дипломаты имеют возможность провести больше мероприятий, что способствует оперативному решению вопросов. Это особенно ценно в турбулентное время, когда скорость изменения всех процессов достаточно велика. Онлайн-конференции охватывают достаточно большую аудиторию. Технически они дают возможность наладить общение с представителями любого государства. Необходимость развивать онлайн-платформы приводит к развитию научно-технической сферы.

Преподаватель Школы бизнеса и международных компетенций МГИМО Людмила Дудорова [1] считает, что недостатками онлайн-формата проведения дискуссий являются технические неполадки, много отвлекающих факторов, необходимость сильной концентрации внимания и слабое взаимодействие с аудиторией. Дипломатический протокол подразумевает меньшие сложности с вовлечённостью в переговоры, но проблема оста-

ВЛАДИСЛАВСКАЯ Валерия Андреевна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры международного сотрудничества ИУРР, РАНХиГС (Москва, Россия). *E-mail:* experiment@bk.ru

¹ *Абрамов А. Я* весь внимание: десять техник вовлечения для участников онлайн-встреч // РБК.Тренды. 2020. 3 августа // URL: <https://trends.rbc.ru/trends/education/5f1ab8d19a79475c014a6959>

ётся. Согласно немецкому исследованию 2014 г. [2], небольшие задержки связи в 1,2 секунды люди воспринимают как проявление невнимательности.

Именно высокая вовлечённость аудитории является причиной того, что в настоящее время социальные сети всё чаще используются как эффективные площадки для публичной дипломатии. События последних двух лет показывают, что социальные сети не только стали новым инструментом в дипломатической деятельности, но они смогли изменить форму восприятия дипломатических процессов. Дипломаты и мировые политические лидеры стали понимать возможности социальных сетей для поддержания наиболее благоприятных отношений в сетевом публичном пространстве. Благодаря такому формату взаимоотношения между социальными сетями и внешнеполитическими ведомствами стали трансформироваться в современное явление, показывающее, что социальные сети могут играть как отрицательную (*twitter*-революции, социальная нестабильность, формирование негативного общественного мнения и т. п.), так и положительную роль в выстраивании благоприятных отношений и обеспечении мира между странами.

Ранее дипломатические отношения для граждан были частью закрытой системы.

В 2021 г. в России по количеству активных авторов лидирует сеть Instagram, по числу сообщений – ВКонтакте [3].

Аккаунты российского Министерства иностранных дел представлены во всех социальных сетях [4].

В *Facebook* – 465 тыс. подписчиков, *Instagram* – 410 тыс., *YouTube* – 33 тыс., *Twitter* – 1,1 млн и т. д.

Как видно, фокус смещается на массовую аудиторию, так как информация стала общедоступным явлением.

Twitter как элемент «мягкой силы» в дипломатии по состоянию на декабрь 2021 г. – наиболее популярная социальная сеть для мировых политических лидеров и министерств иностранных дел ряда стран.

Ниже приведены примеры влияния медиаактивности лидеров стран и внешнеполитических ведомств на международные отношения.

Профессор когнитивной лингвистики Калифорнийского университета в Беркли Джордж Лейкофф сформулировал четыре цели твитов Д. Трампа [5]. *Twitter*-аккаунт бывшего президента Соединённых

² Schoenenberg K., Raake A., Koeppe J. Why are you so slow? Misattribution of transmission delay to attributes of the conversation partner at the far-end // URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1071581914000287>

³ Аналитики назвали самые популярные в России соцсети // РИА Новости. 2021 19 ноября // URL: <https://ria.ru/20211119/sotsseti-1759749020.html>

⁴ Аккаунты в соцсетях // URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/social_accounts/

⁵ Кара-Казарьян Т. В. Твиттер Дональда Трампа – новое в президентском дискурсе // URL: <https://upload.pgu.ru/iblock/ae8/20.pdf>

Штатов Америки является одним из системообразующих, так как именно интеграция в социальные сети Д. Трампа послужила образованию нового термина – «твиттер-дипломатия» (*twiplomacy*⁶).

Данные цели можно использовать для оценки и анализа аккаунтов глав МИД и политических деятелей:

- разработка концепции (т. е. тщательно продуманной идеи в свою пользу);
- отвлечение внимания от реально существующих проблем;
- удар по оппонентам с целью подрыва доверия общественности;
- проверка реакции общества на те или иные идеи.

17% твитов Д. Трампа [6] направлены на внешнеполитическую тему.

Среди них: 28 содержали упоминания России, 16 – Китая, 2 – Европы в целом, 4 – НАТО и т. д.

О России говорится чаще всего в связи с историей возможного вмешательства в выборы в США в 2016 г.: «Наши отношения с Россией никогда не были хуже благодаря многолетней глупости и тупости США, а теперь ещё и сфальсифицированной охоте на ведьм!» [7].

Отношения Соединённых Штатов Америки и Российской Федерации – классический пример битвы министерств иностранных дел.

Глава МИД России С. В. Лавров на одной из конференций в ответ на блокировку социальных сетей Д. Трампа в январе 2021 г. заметил, что люди, которые создали свои технологические империи, «ни в грош не ставят конституции своих государств... Это, конечно, вызывает серьёзную озабоченность» [8].

Осенью 2020 г. фотопост в Facebook официального представителя МИД России Марии Захаровой [9] вызвал международный скандал. Сербский президент Александр Вучич сидел в Овальном кабинете Белого дома на стуле перед президентом Дональдом Трампом. Его поза была совмещена в коллаже с фото героини актрисы Шэрон Стоун в знаменитом фильме «Основной инстинкт». По мнению Марии Захаровой, политик сидел перед Д. Трампом «как на допросе». Сербский лидер поспешил назвать данную оценку российского дипломата примитивной. Он напомнил, что Сербия – нейтральная в военном плане страна, не вступает в НАТО и «покупает у Российской Федерации газ и оружие». Своего президента защищали сербские дипломаты.

Например, заместитель Вучича в правящей партии Марко Джурич призвал российский МИД стыдиться, так как А. Вучич всегда корректно и без лишних просьб ждал аудиенции президента России В. В. Путина.

Для официального объяснения в связи с публикацией в МИД Сербии вызвали российского посла А. Бочан-Харченко. Перед встречей сербским коллегам позвонил С. В. Лавров. По словам министра Дадича, участие министра иностранных дел России помогло снять ненужное напряжение в отношениях стран. К моменту звонка Мария Захарова выложила пост с извинениями и объяснением, что её не так поняли. Она имела в виду неправильную тактику представителей американской протокольной службы, которые некорректно организовали переговоры. Как написала дипломат, американские коллеги пользуются протокольными уловками, чтобы «искусственно создать видимость собственной исключительности».

Пресс-секретарь российского президента Д. Песков напомнил, что сербский и русский – братские народы. Конфликт двух внешнеполитических ведомств был исчерпан окончательно после слов главы сербского МИД И. Дадича о том, что соглашения, которые заключили Сербия и Соединённые Штаты Америки, не повлияют на российско-сербские отношения.

⁶ <https://twitter.com/donaldtrump>

⁷ Herman S., Gallo W. Trump Declares US Relationship with Russia 'Has Never Been Worse' // URL: <https://www.voanews.com/a/trump-arrives-in-finland-for-russia-us-summit/4484341.html>

⁸ Лавров обвинил технологических гигантов в неуважении к конституциям стран // URL: <https://news.rambler.ru/conflicts/45627515-lavrov-obvinil-tehnologicheskikh-gigantov-v-neuvazhenii-k-konstitutsiyam-stran>

⁹ <https://ru-ru.facebook.com/maria.zakharova.167>

* Термин взят из ежегодного исследования Twiplomacy Study // URL: <https://twiplomacy.com>

В 2017 г. постоянный представитель США при ООН Саманта Пауэр [10] в twitter-аккаунте выразила соболезнования в связи с кончиной её коллеги Виталия Чуркина [11]. Он был постоянным представителем России при ООН. Американский дипломат отозвалась о Виталии Ивановиче как о чутком и отзывчивом человеке, который сделал всё, чтобы преодолеть разногласия между Россией и Америкой.

Позже под давлением С. Пауэр пришлось написать колонку для The New York Times [12]. Там она критиковала российские власти, которые вмешивались, по её мнению, в президентские выборы и из-за которых погибли люди в Сирии. Соединённые Штаты Америка – главный геополитический оппонент Российской Федерации, который постоянно «утверждает» идеи гуманизма и международной вежливости. Можно сделать вывод о том, что на практике эти идеи не реализуются.

В декабре 2021 г. глава МИД Великобритании Лиз Трасс [13] сделала ретвит* сообщения американского политика Энтони Блинкена о российской агрессии [14].

Аккаунт МИД России сразу же отреагировал заявлением М. Захаровой. Она написала, что если страны G7 призвали сесть Россию и Украину за стол переговоров, то это расписка в неспособности взять ответственность за собственные ошибки.

По мнению официального представителя МИД России, надо сажать за стол переговоров Украину с Украиной.

Такое навязчивое использование словосочетания «российская агрессия» со стороны выглядит как лишний повод продемонстрировать единство. Российские дипломаты беспокоятся о том, что аудитория аккаунта Лиз Трасс искусственно вводится в заблуждение таким многократным повторением обвинений.

Посольство России не отрицает взрывоопасную ситуацию на Украине, но связывают её с поддержкой НАТО Киева и напоминает, что британские военные силы активно продвигаются в Эстонии и Польше на восток.

Важно понимать, что для большинства гражданского населения слова главы МИД Великобритании являются априори доказательными. Подразумевается, что Лиз Трасс знает, о чём говорит, так как источник информации – закрытые доклады специальных служб.

Таким образом, это классический пример информационной войны глав внешнеполитических ведомств. Это не единственный пример того, как целенаправленная глобальная операция против экономических и политических интересов Российской Федерации проводится странами Запада. Нагнетание истерии о якобы возможном военном вторжении России на Украину связано с курсом США на недопущение запуска «Северного потока – 2». Украина служит площадкой для провокаций и ведения информационной войны против России.

Важным плюсом в активности министерств иностранных дел в социальных сетях является возможность граждан любой страны включаться в про-

¹⁰ <https://twitter.com/samanthajpower>

¹¹ Мельников А. Экс-постпред США при ООН Пауэр скорбит по Виталию Чуркину // URL: <https://jpgazeta.ru/eks-postpred-ssha-pri-oon-pauer-skorbit-po-vitaliyu-churkinu>

¹² NYT опубликовала статью Саманты Пауэр о Виталии Чуркине // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3227709>

¹³ <https://twitter.com/trussliz>

¹⁴ Блинкен и Трасс договорились укреплять координацию между союзниками по Украине // URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13287617>

* Ретвит – вторичная публикация сообщения, размещённого другим пользователем в Twitter, со ссылкой на источник.

цессы, комментировать и, возможно, влиять на них. Это повышает интерес к дипломатической сфере [15] и побуждает её развиваться.

Ещё одна важная функция участия политических деятелей в социальных сетях – формирование общественных интересов в пользу национальной стратегии страны. Присутствие дипломатов в социальных сетях и ведение персонализированных аккаунтов, а не аккаунтов ведомств позволяет установить доверительные отношения между дипломатами и целевой аудиторией. Это, несомненно, повышает лояльность аудитории. Российские дипломаты также могут через социальные сети популяризировать русский язык и науку и в целом формировать благоприятный образ российской политики.

При этом нельзя забывать, что зачастую публикуемые в социальных сетях мнения или оценки того или иного международного события имеют чёткую цель, непонятную широкому кругу подписчиков.

Некоторые высказывания дипломатов напрямую влияют на финансово-экономические процессы, обваливают фондовые рынки, рушат целые отрасли экономики. Твиты могут стать предшественниками серьёзных геополитических проблем: изменения статуса дипломатических отношений, кризисов в межгосударственных отношениях и т. п., а также могут привести к дестабилизации обстановки внутри страны: возникновению этнонациональных конфликтов, активизации определённых политических сил (журналистов, политологов и т. д.).

Скорость распространения информации в социальных сетях гораздо выше, чем была раньше. Это позволяет быстро информационно воздействовать на определённую аудиторию, не допуская возникновения оперативных ответных реакций со стороны оппонента.

Из этого факта вытекает самый главный недостаток использования социальных сетей в дипломатических коммуникациях – информационная безопасность. Для работы с таким интернет-контентом должны привлекаться высококвалифицированные специалисты в области кибербезопасности.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что смещение медиа-активности глав и работников министерств иностранных дел в социальные сети будет постоянно расти. «Одно из важнейших условий качественной цифровой дипломатической практики заключается в инвестировании в неё достаточного количества организационных, инновационно-технологических и интеллектуальных ресурсов» [15].

¹⁵ Лебедева О. Роль социальных сетей в дипломатической практике России // Международные отношения. 2021. № 3 // URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/2482>

Дарья НИКИТИНА

Социальные сети – канал современной лингводиبلوماسية

В эпоху развития цифровых технологий каждый человек становится в какой-то степени дипломатом. Мы транслируем свою точку зрения, делимся с ней миром, заявляем о своей позиции и отстаиваем её, иногда даже влияем на ход какого-либо события. Примером могут служить страницы или посты в соцсетях, которые послужили триггером протестов «цветных революций» (например, *Facebook* страница Уэйла Геймана, спровоцировавшая египетскую часть протестов «арабской весны») или других социальных движений.

Сегодня, несмотря на значительное развитие визуального контента, основным инструментом для формирования любой картины мира (в том числе и политической) по-прежнему является слово. И слово воздействует на человека через СМИ и соцсети. Язык как специфический инструмент является не только способом передачи информации, но наряду с институтами семьи и образования является основным транслятором культуры своего народа, выступая частью национальной самоидентификации. Язык и речь развиваются и трансформируются со временем, отображая исторические изменения и инновационные направления. И изменения в языке – первый и основной этап общественных преобразований, потому что он является главным средством общения, средством отношения к тому или иному событию (здесь можно привести один из примеров на злобу дня, когда образование из общественного блага превратилось в «рынок образовательных услуг»). Также, будучи транслятором культуры, язык является как опосредованно, так и непосредственно инструментом «мягкой силы».

За последнее время почти все языки подверглись трансформациям и модификациям, начали приспосабливаться к новым условиям, изменениям, присущим эпохе информатизации. Новым необычным условием функционирования языка стал Интернет в целом и социальные сети как один из мощных каналов коммуникации в частности.

Интернет и социальные сети стали для поколения Z, родившегося в период 1990–2000 гг., главным источником информации. Новые СМИ, как предполагалось ранее, не стали и не могли по определению стать неким барьером между человеком и природой. Главное достижения онлайн-среды – обсуждать происходящее.

НИКИТИНА Дарья Владимировна – старший преподаватель кафедры международного сотрудничества ИУРП РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: pchelnikovad@mail.ru

Интернет не имеет границ, доступным стало общение между представителями разных стран, культур, кроме того, пользователи из одной страны могут активно посещать сайты другой страны, что, в свою очередь, ведёт к изменению масштаба и темпа распространения новостей. Интернет превратился в доступный и общепринятый инструмент коммуникации, что стало катализатором и для трансформации самого стиля общения в пространстве Интернета.

Влияние информационного поля средств массовой информации на человеческое сознание огромно и исследуется в разных парадигмах научного знания.

В связи с этим можно выделить некоторые опасения.

Так, современные медиа смогли чётко задавать критерии целевой аудитории и проецировать информацию именно на требуемую группу людей, отделяясь, таким образом, от нецелевого сегмента. А это может являться каналом целенаправленного воздействия, донесения необходимой информации и т. д. Они являются медиаторами политического бытия между обычным пользователем и событиями, происходящими в мире.

Сегодня также наблюдается так называемая языковая аннексия, когда Интернет «говорит» (условно) на английском. При этом в мире закрываются центры изучения русского, китайского и других языков. Язык, хотим мы того или нет, оказывает влияние на людей с помощью определённых языковых паттернов. (И мы помним о том, что язык продолжает транслировать культуру, ценности, образ жизни и мышления «своего» народа.)

Известный социолог Ноам Хомски справедливо считает, что Соединённые Штаты, которым бросают вызов со всех сторон, теряют контроль над международной властью, поскольку мировое общественное мнение становится «второй сверхдержавой». Это серьёзное утверждение, свидетельствующее, что новая реальность важнее прочих угроз, включая военные. Ей США и уделяют основное внимание. Языковые паттерны создают в том числе и эмоциональный фон, которому другим языкам достаточно сложно противостоять. Определённые опасения вызывает объединение тюркских народов с их языковой и культурной политикой и некоторые другие явления.

Итак, полная свобода в Сети и ощущение вседозволенности граничит с политкорректностью (порой доведённой до абсурда) и подменой понятий, став очень важным инструментом воздействия и влияния на людей. Лингвососемантические подходы, применяемые осознанно, создают почву для формирования необходимого общественного мнения.

К примеру, на сегодняшний день в языке СМИ/соцсети (как канал распространения информации) подменяют реальные понятия, такие как:

- военные действия – урегулирование конфликта;
- военный захват – интернациональная помощь;
- повышение цен – либерализация цен;
- уничтожить противника – нейтрализовать противника.

Языковые паттерны, понятия и образы, стоящие за ними, могут нести как положительную, так и отрицательную коннотацию, а любая чушь, по-

вторенная многократно, становится если не истиной в последней инстанции, то или причиной введения санкций (вроде *highly likely*), или ростом межгосударственной/межрегиональной напряжённости.

Таким образом, социальные сети как лингводиפלломатический канал не могут существовать сами по себе, отдельно от языковой и культурной политики государств. И это должна быть программа не одного года, а многих десятилетий целенаправленной и сложной, но одновременно с этим благородной работы на перспективу. Соцсети не исчезнут в ближайшем будущем, поэтому необходимо извлечь из них максимум пользы.

Валентина ЛАЗА

Взаимодействие государства и религиозных организаций по противодействию распространению экстремистской идеологии в информационном пространстве

В периоды социальных кризисов религиозный фактор становится одной из наиболее влиятельных сил, используемых различными социальными и политическими группами в собственных интересах.

Учитывая насыщенность современного религиозного пространства синкретическими конструктами, претендующими на обладание истиной в последней инстанции, необходимо выйти на чёткое понимание методов и форм профилактики экстремизма на религиозной почве.

Как показывает практика, ни материальный достаток, ни уровень светского образования, ни социальное положение не являются определяющими факторами и не влияют на степень восприимчивости радикальных идей.

Современные социальные и психологические технологии позволяют создавать всё новые и новые методики манипуляции сознанием человека.

Поэтому, чтобы победить болезнь радикализации, надо бороться не только с её симптомами, но и укреплять духовный иммунитет общества, уделяя особое внимание выстраиванию системы религиозного образования и массового духовного просвещения. Только тогда можно работать на опережение, в противном случае это будет лишь реакция с неизбежным запаздыванием.

Одна из основных причин распространения экстремистских идей – низкая религиозная культура. В решении данного вопроса необходимо тесное сотрудничество как светских, так и религиозных организаций. Системная профилактика распространения экстремистских идей среди молодёжи возможна только через образовательный и воспитательный процесс. Основная масса борцов за «чистоту веры» мало что знает о самой вере, или знания их ошибочны. Часть экстремистов получила образование за рубежом в инуюльтурной среде, что полностью изменило их сознание и приоритеты.

ЛАЗА Валентина Дмитриевна – доктор философских наук, профессор кафедры мировой культуры МГЛУ (Москва, Россия). E-mail: laza69@mail.ru

В условиях отсутствия чётко прописанной идеологии только воспитание в духе истинных традиционных ценностей поможет переломить ситуацию. Как иначе можно дать молодёжи ясные жизненные ориентиры в условиях агрессивной пропаганды со стороны экстремистских организаций, формирования модных трендов типа «радикальным быть модно», джихад-кулл (крутой джихад для подростков, использующий рэп-культуру), джихад-шик (гламурный джихад для молодых женщин и инфантильных подростков, претендующих на оригинальность, предлагает модные тенденции в одежде от знаменитых дизайнеров), а для тех молодых людей, кто ищет подвига и справедливости, сконструирован образ «одинокого волка джихада», борца за справедливость, противостоящего мировому злу и уничтожающего его носителей.

Радикальные организации используют социальные технологии, разработанные хорошо оплачиваемыми ведущими бренд-менеджерами. Построенные на принципах современного маркетинга, эти технологии адаптированы под различные социальные, возрастные, половые, национальные и даже профессиональные группы, а также учитывают особенности социально-культурной среды. Поэтому радикальная пропаганда, направленная на молодёжь восточных исламских государств, значительно отличается от той, что транслируется в Европу, США и Россию.

Соответственно, успешное противодействие экстремистской идеологии, прикрывающейся исламом, возможно только при обязательном участии и поддержке представителей российского ислама – авторитетных богословов, муфтиев, имамов. Для решения этой задачи следует подготовить сильных, компетентных, а самое главное – молодых проповедников, духовных лидеров, которые поведут за собой остальную массу. Поэтому особое значение приобретает повышение уровня образования и квалификации исламских религиозных деятелей в системе отечественного религиозного образования. Современное общество ставит перед ними всё новые задачи, решение которых требует знания особенностей современного законодательства, основных направлений молодёжной политики государства, педагогики, психологии и информационно-коммуникационных технологий.

Первым шагом в построении отечественной системы исламского образования стало поручение Президента Российской Федерации В. В. Путина Правительству Российской Федерации от 19 июня 2002 г. № Пр-1089 по разработке комплекса мер по оказанию организационной, материальной и методической помощи в развитии сферы религиозного образования, прежде всего мусульманского.

В 2005 г. Министерством образования и науки Российской Федерации была принята Комплексная программа содействия развитию сферы религиозного образования, прежде всего, мусульманского, на 2005–2015 гг. (Комплексная программа), главной целью которой стало создание необходимых условий для формирования непрерывной многоуровневой системы подготовки высококвалифицированных кадров специалистов по истории и культуре ислама для работы как в федеральных и региональных органах законодательной и исполнительной власти, так и в образовательных учреждениях различных уровней, типов и видов, подготовленных к формированию

у обучающихся установок толерантности, профилактики дискриминации, ксенофобии на основе равноправия национальных культур и религий.

Комплекс мер, предусмотренный данной программой, включал осуществление целевой подготовки специалистов для духовных управлений мусульман и исламских образовательных учреждений в государственных университетах по светским государственным программам высшего образования (регионоведение, востоковедение, религиоведение, теология и т. д.), проведение в этой сфере научных исследований и ситуативных мониторингов, а также разработку и реализацию системы содействия исламским учебным заведениям.

Для осуществления поставленных задач в 2006 г. при содействии Управления Президента России по внутренней политике был создан Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования (официально зарегистрирован 31 января 2007 г.). Среди целей деятельности фонда – поддержка развития исламской культуры, науки и образования, духовно-нравственное воспитание детей и молодёжи, недопущение исламофобии, противодействие распространению экстремизма и терроризма.

В 2007–2008 гг. государством как по линии фонда, так и посредством специально созданной программы поддержки исламского религиозного образования были выделены значительные средства на оснащение исламских вузов современными техническими средствами образования, подготовку учебно-методических пособий, а также на создание и поддержку специализированного интернет-ресурса, содержащего материалы по вопросам подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама.

С этого момента начинается непосредственная реализация планов мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама (план мероприятий), разрабатываемых Министерством образования и науки каждые три-четыре года.

Но не все результаты этого периода можно оценить однозначно.

Для корректировки ситуации президентом России В. В. Путиным по итогам заседания Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям (22 октября 2013 г.) правительству России даны соответствующие поручения (пп. «г» п. 2 и п. 5 перечня от 14 ноября 2013 г. № Пр-2681).

Для их исполнения Минобрнауки России был разработан и утверждён распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 мая 2014 г. № 815-р План мероприятий по обеспечению подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама в 2014–2016 гг. Распоряжением Правительства Российской Федерации от 18 ноября 2016 г. № 2452-р он был продлён на 2017–2020 гг.

В рамках его реализации для обеспечения соответствия исламского образования отечественным и мировым стандартам была разработана Концепция исламского образования в России. Для участия в данном проекте Администрации Президента Российской Федерации были определены шесть исламских вузов и пять государственных вузов с привлечением экспертов-исламоведов, сотрудников Института востоковедения РАН*.

* Пять государственных вузов: Институт стран Азии и Африки МГУ (ИСАА) (г. Москва), восточный факультет Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург), Пятигорский государственный лингвистический университет (г. Пятигорск), Приволжский федеральный университет (г. Казань) и Башкирский государственный педагогический университет им. Акмулы (г. Уфа), а также научный центр Институт востоковедения РАН.

Шесть исламских вузов: Московский исламский университет (г. Москва), Российский исламский университет (г. Казань), Российский исламский университет при Центральном духовном управлении мусульман (г. Уфа), Северокавказский исламский университет им. Абу Ханифы (г. Нальчик), Российский исламский университет им. Кунта Хаджи (г. Грозный), а также правопреемник с 2014 г. Северо-Кавказского исламского университетского центра Дагестанский гуманитарный институт (г. Махачкала).

Концептуальными основаниями, определившими смысловое наполнение проекта создания отечественной системы исламского образования, выступили Концепция развития исламского образования (2006 г.) и Концепция подготовки специалистов с углублённым знанием истории и культуры ислама (2015 г.).

В рамках реализации Концепции исламского образования в России, нацеленной на приведение исламского образования в соответствие с отечественными и мировыми стандартами, планировались, в частности, обеспечение и контроль качества образовательных программ, реализуемых в духовных образовательных организациях, мониторинг изменений в российской умме, создание учебников по основным исламским дисциплинам, подготовка специалистов высшей квалификации, научно-практические и научно-методологические конференции и семинары, международные мероприятия и зарубежные стажировки, повышение квалификации и профессиональная переподготовка кадров в интересах духовных управлений мусульман и духовных образовательных организаций.

Финансирование планов мероприятий осуществлялось по трём направлениям:

- из федерального бюджета Российской Федерации;
- из бюджетов субъектов Российской Федерации;
- через Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования.

Технически финансирование выделялось для определённого светского вуза, за которым по решению Министерства образования и науки Российской Федерации в качестве партнёра закреплялся исламский вуз. Соответствующие пары вузов заключали договоры о сотрудничестве и совместно выполняли учебные, научные и методические работы по реализации планов мероприятий.

В 2010 г. было создано некоммерческое партнёрство Совет по исламскому образованию (СИО), в состав которого на сегодняшний день входят представители 12 высших и 33 средних исламских учебных заведений.

За годы своей работы СИО были разработаны образовательные стандарты высшего (бакалавриат и магистратура) и среднего религиозного образования (начальная и базовая подготовка), созданы ресурсно-методический центр по основам исламской культуры в общеобразовательных школах и комиссия по общественной аккредитации.

В 2015 г. к реализации плана мероприятий подключилось Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России).

В 2017 г. в программу была включена Булгарская исламская академия.

Для осуществления контроля над содержательным и методическим уровнем подготавливаемых на базе исламских вузов учебных и учебно-методических пособий в 2017 г. Минобрнауки России было инициировано создание экспертной комиссии при Институте востоковедения РАН, разработан механизм экспертной оценки учебников для формирования полной линейки учебников федерального уровня по исламским теологическим дисциплинам к 2020 г.

Последний план мероприятий был реализован в 2017–2020 гг., он позволил оперативно реагировать на развитие ситуации в умме и в системе исламского образования, но с 2020 г. мусульманские религиозные

образовательные организации получили возможность получать финансирование непосредственно через Фонд поддержки исламской культуры, науки и образования, минуя взаимодействие с вузами-партнёрами.

Одной из главных задач для современных духовных лидеров является проповедь в информационном пространстве, понятная современной молодёжи. Контент, формирующийся на сайтах и в социальных сетях, принадлежащих религиозным организациям, должен учитывать интересы и особенности восприятия информации современной молодёжи. В настоящее время сеть Интернет используется как один из основных каналов распространения экстремистской идеологии. При этом для воздействия на аудиторию, в первую очередь молодёжную, привлекаются колоссальные ресурсы.

Новое время приносит новые реалии, в том числе в плане характера террористических угроз. Если до недавнего времени говорилось о сетевом характере псевдоисламских международных террористических организаций, то теперь с учётом условий информационного общества следует говорить об атомизации террористической активности, когда под влиянием пропаганды с использованием интернет-ресурсов человек, ранее не попадавший в поле зрения правоохранительных органов, превращается в фанатика-смертника, использующего для совершения теракта любые доступные ему средства.

Проблема поиска потенциальных смертников является ключевой. В современных условиях основной пропагандистский контент идёт через Интернет. Раньше, в 90-е годы прошлого века и в начале нулевых нынешнего столетия, период, в течение которого происходило превращение обычного человека в наполненного экстремистскими идеями ваххабита или сторонника какого-либо другого радикального направления, занимал год-полтора, и за это время изменения, происходившие с ним, можно было заметить. Теперь под воздействием современных средств информации и коммуникации, в том числе и в первую очередь интернет-мессенджеров и социальных сетей, этот период сокращается до 2–2,5 месяцев. У соответствующих служб очень мало времени, чтобы выявить потенциального террориста-смертника, тем более когда тот не привлекает к себе внимания какими-то действиями.

Всё это ставит новые задачи в плане организации контртеррористической деятельности, в том числе в отношении более масштабного и активного использования интернет-пространства для организации контрпропаганды и нивелирования разрушающего воздействия экстремистской псевдоисламской идеологии.

Если отойти от специфики работы спецслужб, связанной с получением необходимой информации агентурным путём, то имеется только один способ профилактики распространения практики смертничества – это выявление лиц, потенциально склонных к суицидальному поведению. Далеко не каждый салафит или сторонник какой-либо международной террористической организации наденет на себя так называемый пояс шахида или с оружием в руках нападёт на вооружённых полицейских или бойцов Росгвардии, т. е. так или иначе пойдёт на верную смерть. Одной фанатичной веры для этого недостаточно. Так могут поступать те, кто и в обычной жизни склонен к суициду в

силу особенностей психического склада. Попад под влияние экстремистской идеологии, они получают для себя легитимизацию своих суицидальных наклонностей на основе искажённого толкования религиозных ценностей.

Кроме того, под воздействие экстремистских идей легче поддаются лица с чрезмерно завышенной либо заниженной самооценкой. Наши противники через ресурсы соцсетей, а где-то и посредством личного общения вычисляют таких людей, из которых потом можно готовить смертников. Как выяснилось, особую роль в этом направлении сыграли популярные среди подростков «группы смерти». Оказалось, что многие молодые люди, проявляющие интерес к этой тематике, также активно посещали группы экстремистского характера, распространяющие идеи «смертничества на пути джихада».

Для противодействия распространению идей радикального ислама в сети Интернет (в русскоязычном сегменте) следует обратить особое внимание на контент, формирующийся на сайтах и в социальных сетях, принадлежащих религиозным организациям.

Содержание этого контента должно соответствовать целям формирования общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, а также условиям полиэтнического и поликонфессионального российского общества, в котором религиозная идентичность является одной из существующих, но ни в коем случае не может выступать в качестве главной, определяющей.

Кроме того, контент должен учитывать интересы и особенности восприятия информации современной молодёжью.

Для нейтрализации воздействия радикальных идей особое значение имеет контрпропаганда, которая в информационном пространстве должна осуществляться на основе взаимодействия государства с институтами гражданского общества, религиозными организациями, НКО и др.

Наряду с контролем содержания необходимо организовать поддержку интернет-сайтов и групп в социальных сетях, принадлежащих духовным управлениям мусульман и местным организациям мусульман.

Поддержка должна включать:

- разработку информационного контента, соответствующего условиям полиэтнического и поликонфессионального российского общества и традиционным для России формам ислама;
- обучение персонала муфтиатов, занятого формированием новостных лент и развитием сайтов религиозных организаций и соответствующих групп в социальных сетях;
- привлечение к работе по формированию единой информационной среды российской уммы высокопрофессиональных специалистов в области PR-технологий;
- выявление и распространение позитивного опыта местных религиозных и общественных организаций в сфере разработки эффективных контрпропагандистских материалов для противодействия идеям, распространяемым террористами и их сторонниками.

В контрпропаганде следует учитывать гендерную составляющую, что должно отразиться в подборе и подаче материалов, включая их интерактивный характер и разработку ситуативных кейсов.

Следует содействовать повышению информированности общества о противодействии распространению террористических идей через СМИ и обра-

зовательные организации, в том числе с помощью специальных образовательных программ и просветительских мероприятий, для предотвращения распространения идей терроризма и экстремизма среди молодёжи.

Для мониторинга иноязычных (таджикских, казахских, киргизских и др.) сегментов социальных сетей следует привлекать активных пророссийски настроенных членов национально-культурных автономий.

Как представляется, эффективной мерой было бы введение процедуры обязательного тестирования молодых людей – учащихся старших классов средней школы, студентов колледжей и вузов на предмет принадлежности к последователям радикального ислама, восприимчивости идей экстремистского толка и наличия суицидальных наклонностей.

Также важно ввести процедуру обязательного тестирования трудовых мигрантов по вопросу принадлежности к последователям радикального ислама, восприимчивости идей экстремистского толка и наличия суицидальных наклонностей.

Одним из способов противодействия экстремистской деятельности в интернет-пространстве является организация его мониторинга.

Так, в частности, Федеральным агентством по делам национальностей создана и развивается система мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций. Она основана на компьютерных технологиях и позволяет в постоянном режиме обеспечивать мониторинг более 20 млн объектов, формировать значительное количество аналитических материалов по различным аспектам национальной политики.

Система позволяет предупреждать конфликты на ранней стадии.

По результатам мониторинга еженедельно готовятся информационно-аналитические справки с указанием наиболее важных событий, происшествий и мероприятий в регионах, которые в дальнейшем становятся темами постоянного наблюдения и прогнозирования ситуации.

Полученные материалы направляются в заинтересованные федеральные органы исполнительной власти.

В случае наличия экстремистского контента соответствующие информационные ресурсы подвергаются блокировке. Кроме того, при необходимости материалы направляются для информирования и оперативного реагирования в субъекты Российской Федерации.

ФАДН России разрабатывает и направляет в регионы методические рекомендации, посвящённые наиболее актуальным и сложным вопросам национальной и государственно-конфессиональной политики.

Для повышения эффективности мониторинга в настоящее время при ФАДН России создан Ситуационный центр, где в непрерывном режиме будет осуществляться работа по выявлению конфликтных ситуаций на основе использования современных информационных технологий.

Арсений БЕЛОМЫЦЕВ

Государственная информационная система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений – инструмент профилактики развития деструктивных процессов в этноконфессиональной сфере России

На сегодняшний день можно утверждать, что артикуляция проблематики деструктивности в этноконфессиональной сфере общества в целом сложилась как на практике (в рамках производственного дискурса в области национальной безопасности), так и в теории (в рамках деятельности существующих институций – например, действующей с 2019 г. лаборатории деструктологии в Московском государственном лингвистическом университете).

В *первом случае* под деструктивными процессами понимается динамический аспект энтропийности, рассматриваемый в приложении к сложившимся государственным и общественным институтам, а также совокупности традиционных норм и ценностей.

Во *втором случае* в предметную область деструктологии включается весьма широкий спектр проблемных явлений, как этнических и религиозных по своему происхождению, так и связанных с деятельностью разрушительных субкультур (таких как АУЕ, группы смерти в социальных сетях, молодёжная субкультура «Колумбайн» и др.).

БЕЛОМЫЦЕВ Арсений Анатольевич – начальник отдела профилактики экстремизма Управления мониторинга состояния межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и взаимодействия с религиозными объединениями Федерального агентства по делам национальностей, соискатель кафедры философских наук Института гуманитарных и прикладных наук МГЛУ (Москва, Россия). E-mail: abelomycev@mail.ru

В общем смысле процессы, отражающие динамические изменения явлений (как имеющих общее основание, так и нерядоположенных – возникающих при включении сугубо коммерческого или политического элемента в религиозное по происхождению явление), являются деструктивными для общества тогда, когда представляют собой угрозу коллективным формам существования людей и тем самым дестабилизируют существующие социальные институты и отношения.

Этноконфессиональная сфера общества оказывается особенно уязвима перед данными процессами, что в общем виде может быть объяснено, с одной стороны, инкорпорацией черт индивидуалистических культур в существующие общественные отношения, тяготеющие к ориентации на идеалы коллективности, а с другой – стремительной архаизацией, процессы которой зачастую могут быть интерпретированы в качестве компенсаторного ответа на предпринимаемые модернизационные усилия. Черты массового погружения в архаику наиболее рельефно проявляют себя в региональном разрезе, здесь особенно выделяются Республика Тыва и ряд республик Северного Кавказа.

Государственная информационная система мониторинга в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений и раннего предупреждения конфликтных ситуаций, оператором которой является ФАДН России (система мониторинга), позволяет выявлять информационные поводы, связанные с драматическими противоречиями, возникающими в разрезе этих двух коренных факторов, определяющих состояние межнациональных и межконфессиональных отношений.

Целью создания и функционирования системы мониторинга является реализация Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. в части:

- обеспечения условий для решения задач, направленных на своевременное выявление конфликтных и предконфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений;
- обеспечения возможности оперативного реагирования на возникновение конфликтных и предконфликтных ситуаций в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в субъектах России и в муниципальных образованиях;
- принятия эффективных управленческих решений в сфере реализации государственной национальной политики.

Задачи системы мониторинга:

- проведение мониторинга в информационно-телекоммуникационной сети Интернет конфликтных межнациональных и межконфессиональных ситуаций;
- сбор, автоматическая и автоматизированная обработка данных о событиях, связанных с межнациональными и межконфессиональными отношениями, включая автоматическое выделение информационных поводов;
- отслеживание роста аудитории выделенных информационных поводов и передача их в обработку на муниципальный уровень на основании превышения критериев роста аудитории;
- оценка, анализ и прогнозирование возникновения угроз межнациональных и межконфессиональных конфликтов;
- выявление конфликтных и предконфликтных ситуаций, в конфликтующих группах которых усматривается разделение по этническому и (или) конфессиональному признаку, а также в случаях, когда

стороны конфликта ищут поддержки в этнически (конфессионально) родственной или этнически (конфессионально) дружественной среде;

- оповещение об угрозе возникновения межнационального или межконфессионального конфликта;
- поддержка принятия обоснованных управленческих решений в сфере государственной национальной политики.

Функционирование и развитие системы мониторинга осуществляются на основании следующих принципов:

- применения единой технической политики создания и функционирования системы мониторинга;
- приоритетного использования информационно-телекоммуникационных технологий при сборе, обработке, хранении и обмене информацией;
- однократного ввода сведений, размещаемых в сегментах системы мониторинга, и их многократное использование;
- обеспечения оперативного доступа пользователей системы мониторинга к информационным ресурсам;
- обеспечения полноты, достоверности, актуальности и целостности информации, размещаемой в системе мониторинга, в том числе за счёт применения электронной подписи;
- размещения сведений в системе мониторинга только уполномоченными должностными лицами;
- персональной ответственности уполномоченных должностных лиц за полноту, актуальность и достоверность сведений, размещаемых ими в системе мониторинга;
- использования преимущественно свободного программного обеспечения при создании, модернизации, функционировании и развитии системы мониторинга.

Системой мониторинга выделяются деструктивные информационные поводы, которые можно объединить в несколько групп:

- гиперболизация региональных интересов (сюда относится прежде всего актуализация территориальных споров между субъектами, которые приобрели особую остроту на фоне обсуждений предполагаемого укрупнения ряда субъектов Федерации);
- активизация национал-сепаратистских движений (данная группа информационных поводов зачастую связана с попытками вовлечения народов, проживающих на территории России в зарубежные геополитические проекты);
- распространение радикальной религиозной идеологии;
- попытки актуализации исторической и социальной памяти, а также мифологических сюжетов, в том числе для создания негативного образа российской государственности;
- коллективное обращение к принципам функционирования традиционных обществ, в том числе подмена светских органов власти параллельной системой религиозных/архаичных институтов (в том числе шариатскими судами, традиционными судами «Тархон», а также системами обычного права).

Учитывая комплексный характер проблематики деструктивных процессов в этноконфессиональной сфере современного российского общества, в методологическом плане необходимо применение субстанциально-деятельностного подхода в качестве рамочной теории, которая позволит работать с широким спектром явлений из различных предметных областей, используя при этом общее основание, которым является деятельность, рассматриваемая, согласно данному подходу, в качестве субстанции общественной жизни. При этом каждый социальный феномен, фиксируемый с помощью системы мониторинга, следует рассматривать в качестве её определённого формообразования.

Любому акту деятельности предшествует актуализация потребности (её переход из спокойного состояния в состояние нужды), возникновение безальтернативных психических влечений, мотивационная экспертиза и, наконец, процедура целепостановки и последующей целереализации [1].

Если у всех людей присутствует одинаковый набор потребностей, то их содержание обладает высокой вариативностью. Под интересом понимается «свойство человека испытывать надобность в объектах-медиаторах (“предметах интереса”), которые, не будучи средствами прямого жизнеобеспечения, необходимы для создания, хранения и использования “предметов потребности”, способных напрямую удовлетворять их» [2]. Именно разница в содержании интересов может «вызывать различные по глубине и интенсивности социальные конфликты» [3].

Применение субстанциально-деятельностного подхода наряду с осуществляемым мониторингом позволит глубже проанализировать субъективные цели индивидов, выступающие спроектированным образом желаемого результата. Наряду с потребностями и интересами постановка субъективных целей зависит также от факторов мотивации – эмоциональной, рассудочной и ценностной экспертизы человеком собственных безальтернативных влечений и связанных с ними потребностей и свободного выбора в пользу «наилучших» из них.

Для того чтобы установить сущностные свойства деструктивных процессов в этноконфессиональной сфере российского общества, необходимо, с *одной стороны*, рассмотреть условия, оказывающие влияние на производимую экспертизу при осуществлении мотивационного выбора, а с *другой* – проанализировать конкретные формообразования деятельности, подпадающие под определение деструктивной и находящие выражение в выявляемых посредством системы мониторинга информационных поводах. В силу того, что осуществляемый группой мотивационный выбор поддается прогнозу (индивидуальные вариации деятельности поглощаются ролевыми и статусными паттернами-нормами), в рамках производственного анализа также упрощается прогнозирование ситуации в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений.

Таким образом, итогом систематического мониторинга информационного поля, а также обработки поступающих данных с учётом теоретических положений субстанциально-деятельностного подхода становится выявление существенных особенностей изучаемых объектов, а затем установление значимых тенденций и закономерностей развития процессов в этноконфессиональной сфере российского общества.

Применение субстанциально-деятельностного подхода предлагается в качестве механизма, который создаст условия для рассмотрения явлений

¹ Момджян К. Х. К типологии человеческих ценностей. Статья 1 // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2015. № 4. С. 80–81.

² Момджян К. Х. К типологии человеческих потребностей. Статья 3. Социальные потребности человека. Ч. 1 // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2017. № 1. С. 105.

³ Момджян К. Х. Процесс принятия решений и его место в деятельности людей // Электронное научное издание альманаха «Пространство и Время». 2015. Т. 9. Вып. 2.

различных предметных областей наряду с другими, используя общее основание. Набор специфических процедур, относящихся к данному подходу, позволяет рассмотреть множество фактов, фиксируемых мониторингом в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений, в качестве «самопорождающегося единства многообразного», которым выступает деятельность человека.

В настоящее время основная задача системы мониторинга – заблаговременное выявление информационных поводов, способных привести к конфликтам в сфере межнациональных и межрелигиозных отношений – реализуется на постоянной основе.

За последние годы мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений позволяет снизить уровень социального напряжения, сократить общее количество конфликтных ситуаций в этноконфессиональной сфере, наладить механизмы их профилактики. Применение теоретических подходов позволит углубить и расширить интерпретационные возможности производственного анализа, что в перспективе будет способствовать совершенствованию работы по предупреждению конфликтных ситуаций, а также разрешению возникающих противоречий в мирной плоскости.

Татьяна **АВДЕЕВА**

Цифровизация и региональная информационная асимметрия в России

В настоящее время информационная отрасль считается наиболее растущей. С полной уверенностью можно утверждать, что все сферы экономики и социальные в том числе задействованы в информационном поле. Много споров и дебатов идёт по поводу плюсов и минусов цифровой трансформации экономики государства, также рассматривается уязвимость государственных служб, подразделений и личных данных граждан.

Как известно, кто владеет информацией, тот владеет миром. Современная ситуация полностью подтверждает эти слова, знания дают нам право в результате тщательного анализа принимать правильные эффективные решения, быть уверенными в своём выборе. Знания – это главное в современном мире. Общество знаний можно считать следующей ступенью развития человечества, так как элементы информационного общества уже сформированы и помогают нам в различных сферах.

Рассмотрим Россию. В результате неравномерного распределения информационных и технологических процессов появляется вероятность возникновения рисков напряжённости в социально-экономической сфере. Цифровой разрыв может повлиять на ещё большее недопонимание предназначения цифровой трансформации экономики.

Мониторинг цифровых достижений и внедрения цифровых технологий в государственное управление и социальные сферы показал смещение центра концентрации технологических нововведений. И сейчас стоит задача принять меры по выравниванию свойств элементов, которые характеризуют формирование цифровой трансформации в государстве.

Элементами цифровой трансформации регионов (цифровизации регионов) считается рост:

- затрат на информационные и коммуникационные технологии;
- числа персональных компьютеров на 100 работников;
- доли организаций, использующих широкополосный доступ к Сети;
- доли домохозяйств, которым обеспечена возможность широкополосного доступа к сети Интернет.

АВДЕЕВА Татьяна Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и страхование» ИУРП, РАНХиГС (Москва, Россия). E-mail: avdeevatv1804@gmail.com

Также проводится анализ цифровой зрелости населения в сферах образования, строительства, медицины, туризма и отдыха, транспорта и логистики, услуг для населения, в том числе государственных услуг.

Многие авторы, рассматривая информационную асимметрию в России, поднимают вопрос об ограниченном доступе к информации и к общественным благам (недостаток информированности к этому приводит), предоставляемым согласно законодательству. Если мы говорим о целостной территориальной системе, то особое внимание необходимо уделить инновационному развитию и определить оптимальные точки роста, которые позволят осуществить переход экономики на новый уровень развития.

Специалисты указывают на то, что на расслоение общества в государстве может оказать влияние огромное количество факторов, в том числе:

- исторические тенденции;
- взаимоотношения с другими государствами;
- особенности политической системы;
- географические и территориальные особенности, а также этнические и ментальные.

В России на сегодняшний день наблюдается асимметрия благосостояния между населением города и деревни, квалифицированного и неквалифицированного труда.

В Российской Федерации в 2010 г. была утверждена долгосрочная государственная программа «Информационное общество», которая была рассчитана на период 2011–2020 гг.

Ответственным исполнителем программы определено Министерство связи и массовых коммуникаций России, оно должно было следить за освоением государственных средств и распределением функций между участниками заявленной программы.

Одним из приоритетных направлений экономической политики в стране стала цифровизация экономики, которая стала активно развиваться с января 2015 г., когда по итогам Давосского форума, на котором обсуждались вопросы «цифровизации» стран Восточной Европы, Совет по России Всемирного экономического форума запустил проект *Digital Russia*, чтобы определить, как цифровые технологии меняют российское общество, и проверить предположение о том, что они могут служить основой экономического развития.

1 декабря 2016 г. в Послании Президента России Федеральному собранию было определено, что цифровая экономика – это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, вопросы национальной безопасности и независимости. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации» была принята в 2017 г. и рассчитана на период до 2030 г. [1].

¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-п «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_221756/48d8fcde0323439fed68fa60763c7429a0447942/

По К. Марксу, «теория становится материальной силой, когда она овладевает массами». А применительно к цифровизации идея должна полностью проникнуть в массы, и тогда идея увеличит эффективность движения и скорость реализации. Слабые коммуникативные связи между властью и её подразделениями с населением не дают в полной мере реализовать запланированные мероприятия государственной программы.

Авторы рейтинга Центра финансовых инноваций и безналичной экономики московской школы управления «Сколково» представили полную версию рейтинга «Цифровая экономика Российской Федерации» по субъектам Российской Федерации, создали авторскую методологию, учитывающую количественные показатели и экспертную оценку, основанную на анализе метаданных, отражающих цифровизацию регионов. Рейтинг по данной методике был опубликован за первое полугодие 2018 г.

Для повышения точности оценки в исследовании используются семь субиндексов, через которые ведётся балльная оценка индекса:

- нормативное регулирование и административные показатели цифровизации;
- специализированные кадры и учебные программы;
- наличие и формирование исследовательских компетенций и технологических заделов, включая уровень научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ;
- информационная инфраструктура;
- информационная безопасность;
- экономические показатели цифровизации;
- социальный эффект от внедрения цифровизации.

Субиндексы, в свою очередь, оцениваются через субфакторы, которыми в настоящем исследовании выступают события, факты и иная информация, полученная из открытых источников. Экспертная оценка для каждого факта выставляется исходя из формализованных критериев, которые можно агрегировать в три ключевых блока:

- соответствие нормативным документам и стратегии государства в области цифровизации;
- осязаемость события (т. е. наличие конкретных шагов/действий/процессов);
- социально-экономические, финансовые и бизнес-эффекты от упомянутого факта [2].

Индекс программы «Цифровая экономика Российской Федерации» отражает наличие и успешность инициатив, связанных с цифровизацией на региональном уровне. Если та или иная инициатива включает конкретные действия, не противоречит государственному стратегическому взгляду и имеет положительные социально-экономические и бизнес-эффекты, то она получает 100 баллов.

Цифровизация оценивается не только с точки зрения достижения целей, но и с точки зрения её публичности. Индекс программы «Цифровая экономика России» оценивает это на основе упоминаний в открытых источниках с учётом достоверности, цитируемости и тональности событий.

В 2030 г. планируется порядка 95% социально значимых услуг в России предоставлять онлайн, и поэтому подключение к широкополосному Интернету 97% домохозяйств к этому сроку будет крайне важным. В течение шести лет также планируется увеличить инвестиции в разработки российского программного обеспечения.

Главный тормоз выполнения программы – это отсутствие:

² Тиньков С. А. Проблемные вопросы оценки уровня цифровизации экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 5. Ч. 2. С. 281–286.

– профессиональных кадров с практическими навыками работы в формировании коммуникативных систем и программного обеспечения в различных сферах экономики;

– компаний, производящих современные цифровые технологии и коммуникативные продукты, которые необходимо создавать и развивать.

У России много экономических трудностей, но она должна следовать по пути цифрового развития. Основная задача для страны – это выбрать новую экономическую модель, которая позволит заложить фундамент будущего экономического роста на основе увеличения доли цифровой экономики в ВВП страны в три раза.

Но наряду с преимуществами цифровой экономики существуют и риски, связанные с цифровизацией, а именно:

– снижение количества рабочих мест низкой и средней квалификации;

– асимметрия информации в регионах, которая также ведёт к смещению центра концентрации цифровых технологий и информационных коммуникаций;

– снижение уровня безопасности;

– изменение поведения на рынке как производителя, так и потребителя;

– необходимость изменений в законодательстве, закрепление ответственности за недостоверную информацию и её распространение;

– угроза национальной безопасности государства.

В каждом секторе экономики, в каждом регионе страны свои особенности внедрения цифровых и коммуникативных технологий.

Цифровое неравенство является проблемой не только отдельных людей, но и регионов и целых стран. В будущем, вместо того чтобы говорить о бедной стране, политики будут говорить о странах с дефицитом знаний. Страны будут вынуждены на первое место ставить уровень образования и профессиональной квалификации своих граждан, так как сегодня конкурентоспособность определяется наличием квалифицированных человеческих ресурсов.

Если Россия не сумеет вовремя преодолеть «цифровой разрыв», то новые технологии, таящие в себе огромные возможности, приведут к ещё большей дифференциации общества.

Наталья ЯШЕНКОВА

Платформа Polymatica для анализа больших данных в государственном управлении

Многие российские ведомства уже накопили достаточно большие массивы данных и теперь могут использовать их потенциал для повышения качества принимаемых решений.

Так, российские налоговые органы для обработки представленных в электронном виде деклараций по НДС, книг покупок и книг продаж, журналов учёта выставленных и полученных счетов-фактур используют подсистему АСК НДС-2.

В поле зрения налоговиков в первую очередь попадают те компании, которые превышают критерий 89% вычетов по НДС. Применение АСК НДС-2 позволило почти в восемь раз снизить количество заявлений на возмещение НДС высокорисковыми организациями.

Вторая задача, с которой работает АСК НДС-2, – это выявление схем ухода от налогов с помощью фирм-однодневок.

Изначально система контроля уплаты НДС работала выборочно: по какой-то конкретной компании поднималась история для анализа, данные по всем контрагентам с учётом филиалов и других аффилированных лиц. При этом налогоплательщики могли использовать фирмы из разных регионов и в течение трёх лет подавать уточнённые декларации, тем самым злоупотреблять разрозненностью структуры ФНС. Сейчас количество фирм-однодневок сократилось в 7 раз, а количество выездных проверок – на 30%.

Внедрение систем, подобных АСК НДС-2, – пример эффективного использования технологий больших данных в государственном управлении.

Платформа *Polymatica* является базовой аналитической системой ФНС, которая используется как в АСК НДС-2, так и в других подсистемах АИС «Налог-3» и ЕГР ЗАГС, позволяя тысячам сотрудников в режиме реального времени анализировать большие объёмы данных в графическом интерфейсе в рамках ежедневных обязанностей. Также платформа *Polymatica* установлена в ПФР России, ДИТ Москвы, САЦ Минэнерго и других государственных структурах.

Анализ больших данных предоставляет следующее:

ЯШЕНКОВА Наталья Александровна – кандидат экономических наук, директор по маркетингу ООО «Полиматика Рус» (Москва, Россия). E-mail: n.yashenkova@polymatica.com

– обработке подвергаются все имеющиеся в наличии данные без каких-либо попыток сделать выборку, причём чем данных больше, тем достовернее получаемые результаты;

– по алгоритму программы ищутся взаимосвязи, скрытые закономерности и признаки для достоверного прогнозирования, т. е. основное в использовании больших данных – это извлечение из данных нового смысла, знания, явно в них не содержавшегося.

Автоматизировать работу с большими данными позволяют технологии машинного обучения (*ML*) для задач, решение которых в ручном режиме слишком трудоёмко:

- определение вероятности нарушения сроков уплаты налогов для каждого налогоплательщика;
- детектирование нестандартного поведения пользователя в сети;
- определение перечня проектов, которые не будут завершены в срок;
- выявление мошеннических действий;
- предсказание брака на производстве.

Возможность получения результата по каждому исследуемому объекту в автоматическом режиме за ограниченное количество времени делает применение *ML* перспективным во многих направлениях: государственное управление, безопасность, медицина, охрана труда, клиентская аналитика, производство.

Компания «Полимастика» разработала собственный модуль, позволяющий создавать модели машинного обучения. Анализ данных с применением *Polymatica ML* можно разделить на три этапа:

- *Data Discovery*;
- *Model Designer*;
- *Model Manager*.

Data Discovery позволяет пользователю исследовать данные перед построением аналитических моделей: выявлять закономерности и взаимосвязи в их структуре, определять наличие в них пропусков и аномалий, проверять гипотезы и отбирать наиболее важные переменные для моделирования с использованием инструментов визуализации, профилирования, корреляционных матриц и кластерного анализа.

В *Model Designer* пользователю доступен визуальный конструктор для построения моделей, который включает узлы по обработке наборов данных, построению моделей и последующей работе с ними. Выстраивая различные последовательности узлов, пользователь может сформировать сложные аналитические модели, оценить их качество, интерпретировать результаты, а также сравнить модели по выбранным метрикам и сохранить лучшие в репозиторий для дальнейшего применения.

Model Manager представляет собой репозиторий для моделей, построенных как средствами *Polymatica ML*, так и импортированных из других инструментов. Обладая всем необходимым функционалом для применения подхода *ModelOps*, *Model Manager* позволяет организовать прозрачную работу с моделями таким образом, чтобы они приносили максимальную пользу для государства и бизнеса.

Одним из основных трендов в информационных технологиях можно назвать самообслуживание пользователей.

По аналогии с созданием сайтов, когда по мере развития технологий стали появляться конструкторы, позволяющие людям, не владеющим навыка-

ми программирования, самостоятельно создавать страницы в Интернете от самых простых до достаточно сложных, так и в других сферах наступает этап для появления инструментов, дающих возможность пользователям создавать собственные артефакты информационных технологий только с помощью графического интерфейса. Демократизация машинного обучения является подтверждением этого тренда.

Платформа компании «Полиматика» предназначена для функциональных пользователей, не обладающих навыками программирования. Это означает, что любой исследователь может сформулировать гипотезу и проверить её на данных, не привлекая профессиональных специалистов *Data Science*. Такой подход позволяет сократить количество звеньев между постановкой задачи и её решением и оперативно реагировать на изменяющую внешнюю среду.

Одним из перспективных направлений использования *ML* является анализ социальных сетей.

В рассмотренных выше примерах анализируются структурированные данные – цифровые показатели, которые можно представить в виде таблицы. При работе с социальными сетями в основном анализируются текстовые и графические материалы: информационная система должна понять, что написано или изображено на странице, дать эмоциональную оценку исследуемого контента и, например, объединить с подобным, чтобы понять размер кластера людей, разделяющих одни и те же убеждения.

Наиболее эффективным способом анализа неструктурированных данных является применение технологий *ML*, в рамках которого происходит перевод текстового или графического формата в цифровой. Ценность алгоритма заключается в сохранении полноты информации при трансформации в машиночитаемый формат.

Большие данные и машинное обучение эффективно применяются для государственного управления, позволяя выявлять факты мошенничества, предоставлять адресную помощь, предсказывать аномальные события. Российские решения играют большую роль в создании таких систем. Применение платформы *Polymatica* для обработки данных ФНС России, ПФР России, ДИТ Москвы и других государственных структур позволило кардинально изменить аналитический процесс, сделав его доступным тысячам сотрудников, где каждый может стать источником улучшения деятельности всей организации.

Материалы конференции поступили в редакцию 7 февраля 2022 г.